

8 17

235

С 14
235
ЧЕТВЕРТОЕ АПРѢЛЯ

1866

И

ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ МАЯ

1867,

ВЪ РЕЛИГІОЗНОМЪ И ПРАВСТВЕННОМЪ

ОТНОШЕНІЯХЪ.

21.

ВЪЗНЕСЕНА

1866

и

ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ МАЯ

Дозволено цензурой. Москва. 28 Июня 1867 г.

Типографія Грачева и К^о у Пречист. вор. д. Милановой.

2007060090

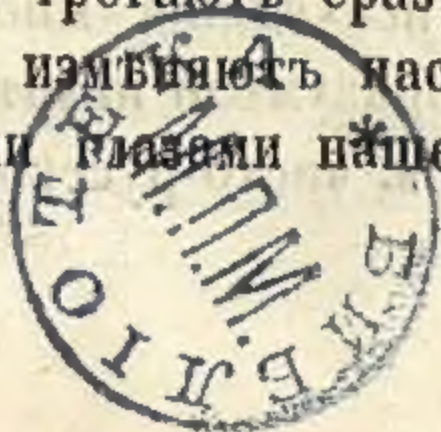
4-Е АПРѢЛЯ 1866 Г. И 25-Е МАЯ

1867 Г.

ВЪ РЕЛИГІОЗНОМЪ И ПРАВСТВЕННОМЪ

ОТНОШЕНІЯХЪ.

Мы, русскіе, люди удивительно не памятозлюбные, мы все прощаемъ и забываемъ скоро... но были и до сихъ поръ есть въ нашей жизни, въ жизни нашего русскаго государства, въ жизни цѣлаго народа случаи, которыя въ минуту своего появленія разрастаются въ цѣлыя событія и своимъ появленіемъ трогаютъ сразу всѣ наши чувства—волнуютъ, измѣняютъ насъ, разкрываютъ предъ нашими глазами наше положеніе

и заставляютъ всѣхъ и вѣрующаго и невѣрующаго творить крестное знаменіе и благодарить Бога, за Его Милосердный Промыселъ, неоставляющій Россіи.

Къ такимъ днямъ событій безпорно принадлежитъ 4-е Апрѣля 1866 г. и 25 мая 1867 г.

Давно ли, Господи, давно ли изъ края въ край была потрясена русская земля, какъ громомъ и молніей изъ грозныхъ тучъ сейчасъ же разсѣявшихся, сгинувшихъ, пропавшихъ и какъ бы еще свѣтлѣе освятившихъ какъ солнцемъ, все окружающее пресвѣтлымъ лицомъ нашего Великаго Царя Отца... Все преступное, все мечтательное, эфемерное, ненародное побѣждало врозь, спряталось, исчезло и измѣнилось отъ этого солнца-правды.... Гдѣ теперь этотъ начинавшій входить будто въ силу и въ какія то чудовищныя права *нигилизмъ*, породившій было такое чудовищное дѣло какъ цареубійство на Русской землѣ—цареубійство грѣховнѣе отцеубійства. 4-е Апрѣля было днемъ искупленія многихъ грѣховъ нашихъ, оно образумѣло незрѣлыя молодыя увлеченія, увлеченія, чисто русско-славянской приро-

ды, которая очертя голову, подъ вліяніемъ модной идеи отрицанія, какъ дикій конь хотѣла перескочить границы возможнаго и жить въ какомъ-то безвоздушномъ пространствѣ не признавая *ничего*. *Нигилизмъ* переносится уже въ область преданія, названіе *нигилистъ* сдѣлалось браннымъ словомъ. Царство Божіе, царство мира и любви видимо крѣпнетъ и утверждается на русской, родной землѣ и люди отрицанія переходятъ въ людей положительныхъ, отцовъ, семьяниновъ, гражданъ русской земли. Другіе народы и дальніе и близкіе и родные и чуждые ищутъ съ нами единенія: посольство Американское, посольство и братскій пріѣздъ славянъ явили съ тѣхъ поръ всему свѣту зрѣлища до сихъ поръ нигдѣ невиданныя. Подъ обаятельнымъ ихъ вниманіемъ мы стали гордѣе (въ лучшемъ смыслѣ этого слова), мы становимся самостоятельнѣе, національнѣе, мы становимся болѣе русскими, чувствуя, что славянамъ суждено открыть новыя, блестящія, мирныя и благодушныя странницы всемірной исторіи. Мы не стыдимся высказывать открыто публично, что «освободясь отъ монголь-

скаго ига мы подпали подъ иго европейской цивилизаціи, что насиліемъ въ области и самыхъ благихъ желаній, ничего не сдѣлаешь» (*) что чужое, насильственно, преднамѣренно привитое приноситъ не пользу а вредъ, что всякій ядъ сильнѣе дѣйствуетъ на свѣжій и молодой организмъ, чѣмъ на тотъ, который уже понемногу привыкъ къ этому яду. Ложные пріятели и грубые, неуклюжіе но истинные друзья намъ стали ясны. Польская пронаганда въ Россіи сломала свою голову, роковой выстрѣлъ несчастнаго Карокова пришелся прямо по ней... 4-е Апрѣля глубокими, неизгладимыми чертами вписалось въ исторію русскаго развитія, оно утвердило религиозное чувство въ колебавшихся, оно очистило нравственную порчу для нашего молодаго поколѣнія, едва, едва не сдѣлавшагося жертвою злоумышленниковъ, оно еще крѣпче, если это только возможно, связало священный, ничѣмъ не разрываемый союзъ Государа съ своимъ на-

(*) Рѣчь О. В. Чицова, на обѣдѣ 21-го Мая, въ честь славянъ.

родомъ, но разумѣется событіе это не могло явиться повсемѣстнымъ огнемъ очищенія, и вдругъ среди торжества русскаго племени, которое Провидѣніе избираетъ передовымъ въ будущемъ великомъ шествіи всеславянской націи, раздался ударъ.

Мы не читали ничего болѣе прямаго, болѣе отъ сердца, болѣе русскаго, какъ передовая статья „Русскаго“ М. П. Погодина, которую считаемъ нелишнимъ привести здѣсь:

Богъ спасъ еще Государя! говоритъ онъ, еще пуля пролетѣла надъ его головою, не задѣвъ ни одного волоса...

Что сказать можно при этомъ? Можно только благодарить Бога, плакать, радоваться, молиться, трепетать, еще благодарить, — и наконецъ, оглянуться, вникнуть глубже въ свое положеніе, и спросить самихъ себя: чтоже значать эти чудесныя знаменія? Неужели это только случай? Неужели онъ не имѣютъ никакой цѣли? Не вызываемъ ли мы сами, высшіе и низшіе, безъ исключенія, не вызываемъ ли мы, своею, жизнью, эти грозные уроки неба? Житейскія нужды, стра-

сти, козни, необуялиль до такой степени наше-го разсудка, служеніе мамонъ не овладѣлиль до такой степени нашею природою, что мы пренебрегаемъ единое на потребу, — и вотъ громовые удары, одинъ за другимъ раздаются надъ нами, возбуждая наше вниманіе, взывая объ исправленіи: Соотечественники, Пора, пора одуматься, перекреститься. Пора приняты за дѣло иначе...

Грубовата и не совсѣмъ удобна форма, въ которой почтенный авторъ выражаетъ свое слово, но все-таки въ немъ много правды. Всѣ мы живемъ спустя рукава и многое множество идетъ къ жизни ошупью, привычка къ широкой жизни и ограниченность средствъ, которыя даетъ честный трудъ ставятъ насъ въ несказанныя затрудненія, во время которыхъ мы готовы *на все*. Всякое чувство наше сильно, искренне, правдиво, но въ немъ большой недостатокъ — оно скоропреходяще, быстроизмѣняюще... Давно ли въ то время, когда бушевала война съ Польшею, многіе изъ насъ жалѣли поляковъ, болѣли за нихъ, считали ихъ за страдальцевъ, за мучениковъ? Давно ли, когда всякій недоучка вносилъ развратъ въ наши се-

которыхъ ютятся не одни сподвижники житія духовнаго, много по формѣ, по обязанностямъ, по положенію набожныхъ людей — все это еще не религія! Такова же въ большинствѣ и нравственность: мы любители щегольнуть семейною жизнію, семейной обстановкою, но рядомъ съ ней у насъ и лѣтомъ и зимою процвѣтаетъ многочисленный цѣхъ камелій, живущій болѣе всего на счетъ семейства.. Неравные браки, нигилизмъ въ бракахъ, купля и продажа на мѣсто свободного сожитія, угнетеніе семейства, деспотизмъ одного лица надъ всѣми — все это обычные явленія нашей жизни... Пусть же взвѣсятъ тѣ, кого это болѣе другихъ касается, какъ все это далеко отъ нравственности, пусть же вспомнятъ они два дня за послѣдніе два года и проникнуться ихъ значеніемъ. Предлагаемая книга служить дополненіемъ прежде нами изданной — „4-е Апрѣля и его патріотическое значеніе на Руси“. Книги этой разошлось слишкомъ тысяча экз.—Потребность въ подобныхъ обзорахъ очевидна. Желая удовлетворить ей, мы добавляемъ всѣмъ, что извѣстно изъ нашей и иностранной печати о послѣ-

а натаанутое состраданіе къ Полякамъ постоянно имѣвшее заднія мысли, упало въ общественномъ мнѣніи и едва ли станетъ на свои, прежнія, приткія ноги. Кажетсяпора перестать дѣтскилиберальничать, перестатьпорапризнавать свободу за тѣми, кто не умѣетъ ею пользоваться и ктовъ своихъ удобствахъи пуждахъ, какъ мы увидимъ изъ рѣчи Кн. Черкаскаго удовлетворенъ болѣе великороссійскаго населенія... Германія издавна стремилась къ національному единству, въ главѣ этаго стремленія стала Пруссія, мы вмѣстѣ съ Европой признаемъ это законнымъ. Какимъ же образомъ, на языкъ нѣкоторыхъ Европейскихъ органовъ, необходимыя обусловливаемыя самимъ положеніемъ, стремленія Россіи являются незаконными?.. Но мы переходимъ границы нашей статьи. Скажемъ коротко, что религія должна выражаться въ самомъ дѣлѣ—у насъ въ противоположность этому еще многое множество лицъ, которыя только религіозны на словахъ, у насъ множество такъ называемыхъ любителей благолѣпія храмовъ Божіихъ, изъ самолюбія, изъ чиновъ, крестовъ и званій, много строителей монастырей, въ

мейства, когда русская женщина не хотѣла быть женщиной и даже отказывалась отъ своего призванія—жены и матери, многіе изъ насъ не прочь были полиберальничать и на этотъ счетъ... по два громовые удара одинъ за другимъ, и какъ бы въ отвѣтъ на наши сомнѣнія — одинъ во имя нигилизма, другой во имя Поляковъ и такіе удары, которые угрожали жизни перваго русскаго человѣка, всеобщаго Отца не только Россіи, но и по признанію нашихъ недавнихъ гостей всего славянства, кажется достаточны, чтобы заставить насъ болѣе и глубже утвердиться въ нашихъ убѣжденіяхъ—религіозныхъ, нравственныхъ, патріотическихъ и политическихъ.

Оба эти дня за два года вывели открыто, лицомъ, къ лицу Россію и ея Великаго представителя изъ области родины предъ лице всей Европы... Насъ потрясало естественное заявленіе чувствъ радости и соболѣзнованія родной земли по поводу 4-го Апрѣля, теперь по поводу 25 мая, рамки русской славы раздвинулись еще шире: вся Европа, какъ одинъ человѣкъ высказала слово сочувствія къ Россіи и ея Великому Монарху,

днемъ событіи 25-го Мая. Читатели увидятъ что
это не только сборникъ извѣстій.

ЧЕТВЕРТОЕ АПРѢЛЯ

1866

И ЕГО ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ НА РУСЬ.

Покушеніе на безцѣнную для всей Россіи жизнь Государя Императора Александра Николаевича, на болѣе дорогую, чѣмъ своя собственная жизнь для каждаго Русскаго, освѣтило ярко и грозно изъ одного конца земли Русской въ другой, правдивость того положенія, въ которомъ стоитъ все чисто русское, начиная съ отца — Царя, до ровныхъ для него всѣхъ дѣтей родной матери земли, въ отношеніи — нашихъ враговъ.

Зная и чувствуя какъ дороги русскому чело-
вѣку всѣ малѣйшія подробности такихъ событій,
все что соединяется съ радостью и горемъ Цар-
ствующаго дома, а съ нимъ вмѣстѣ неразрывно
и съ Россіей особенно съ Ею и ея горемъ, мы
собираемъ въ одно цѣлое подробности послѣдня-
го событія, этого нашего *горя-радости*, гдѣ оба
чувства соединяются неразрывно и нераздѣльно,
вызывая попеременно то испугъ за дорогую
жизнь, то негодованіе къ интригѣ, самую пол-
ную, возможную для челоѣка симпатію къ Го-
сударю, страхъ за Ею опасность и радость за сча-
стливый исходъ. При этомъ новое историческое
имя, новый спаситель русскаго царя, новый
герой изъ народа, и какъ бы знаменательно
изъ той же Костромской губерніи, изъ кото-
рой вышелъ и славный Сусанинъ-спаситель,
родоначальника дома Романовыхъ и черезъ
два вѣка—снова неукротимые поляки — тотъ
падаетъ подъ ихъ ножами за Царя, этотъ от-
водитъ отъ Царя руку убійцы — съ полной го-
товностію упасть...

Соберемъ же и сбережемъ эти немногія во

разнообразно-великіе строки только закрывшейся страницы нашей исторіи, которыя она выишетъ золотыми буквами—они такъ крупны, такъ знаменательны и въ общемъ и въ характернымъ частностяхъ, что не лишнее имѣть ихъ постоянно передъ глазами.

Государь Императоръ, 4-го апрѣля 1866 года, въ четыре съ половиной часа, послѣ прогулки въ лѣтнемъ саду, сѣлся въ коляску; неизвѣстный выстрѣлилъ въ него, но въ самую минуту этого, могшаго быть роковымъ для цѣлой страны и народа выстрѣла, крестьянинъ Костромской губерніи Осипъ Ивановъ Комиссаровъ ударилъ подъ локоть руку злодѣя и безцѣнная жизнь Государя спасена!.... Вотъ фактъ, короткій, не сложный... но фактъ, другую сторону послѣдствій котораго, трудно представить безъ содроганія. Фактъ знаменательный, надъ которымъ вѣетъ присутствіе Высшей, невѣдомой силы — силы Провидѣнія (*).

(*) Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ событіи самъ Осипъ Ивановичъ Комиссаровъ—Костромской: «Самъ не знаю что, но сердце мое какъ-то особенно забилося, когда я увидѣлъ этого

Мы знаемъ всѣ, мы видѣли съ какою довѣренностью къ своему народу, съ какимъ безстрашіемъ къ врагамъ, скрывающимся у насъ подъ личиною друзей, хотя бы напримѣръ, при заревѣ Петербургскаго пожара, какъ просто, одинъ безъ конвоя, безъ провожатыхъ, ходитъ между насъ и гуляетъ Государь.... Въ той и другой столицѣ извѣстны каждому любимыя мѣста его прогулки:

человѣка (преступника), который поспѣшно пробивался сквозь толпу; я невольно слѣдилъ за нимъ, но потомъ, однако, забылъ его когда подошелъ Государь. Вдругъ вижу, что онъ вынулъ и цѣлитъ пистолетъ: мигомъ представилось мнѣ, что коли брошусь на него, или толкну его руку въ сторону, онъ убьетъ кого либо другаго или меня, и я невольно и съ силой толкнулъ его руку вверхъ; за тѣмъ ничего не помню, меня какъ самого отуманило и очнувшись—я вижу только, что меня цѣлуетъ какой-то генералъ; повезли меня во дворецъ, но я былъ какъ въ забытіи, и языкъ у меня вовсе какъ отнялся; только часа черезъ 1½ я опять какъ опомнился и могъ говорить.

Дальнѣйшее обращеніе Осипа Ивановича отличалось скромнымъ достоинствомъ. Послѣ своего славнаго подвига, онъ зашелъ въ трактиръ и спросилъ себя чаю. Когда хозяинъ узналъ кто это, вѣсть тотчасъ разнеслась, его окружили, поздравляли, хозяинъ упрашивалъ его отдать ему свою чуйку, которую онъ сбережетъ, а взамѣнъ взять хозяйскую его чуйку.

въ Петербургъ — набережная, въ Москвѣ Пречистенскій бульваръ. Вставая рано въ Паркъ, въ бытность его въ Москвѣ, Онъ гуляетъ тогда еще, когда дачныя жители Парка покоятся глубокимъ сномъ, и о встрѣчахъ его, въ это время, съ народомъ ходитъ множество повѣрій: такъ рассказываютъ, какъ въ одну изъ такихъ прогулокъ, проѣзжій крестьянинъ, увидавъ Государя и не зная чѣмъ выразить ему свое почтеніе, уваженіе, свою радость, распрягъ лошадь и подвелъ ея въ подарокъ Государю. Другой вариантъ этого анекдота говоритъ, что крестьянинъ съ самого 19 февраля растилъ и холилъ лошадь, выростилъ ее дома изъ жеребенка и, когда она стала смотрѣть, по его мнѣнію, настоящимъ конемъ, узнавъ, что Государь будетъ въ Москвѣ, привелъ съ собой лошадь, прождалъ всю ночь въ полѣ и увидя своего Царя — Освободителя подвелъ ему свой подарокъ.... Какъ бы то не было, но эти слухи, анекдоты, эти рассказы, которыя ходятъ между народомъ, стотысячной молвою говорятъ о безпримѣрной любви, о чемъ-то родномъ, глубоко-почтительно-родственномъ

чувствѣ народа къ нашему Монарху, которая положительно никогда еще такъ не выражалась, какъ на этой вереницѣ русскаго всенародныхъ праздниковъ, слѣдующихъ за 4-мъ апрѣля. Могъ ли же Онъ, гуляя, отдыхая или стремясь на одно изъ тысячи своихъ дѣлъ, думать о чемъ-нибудь близко похожемъ на происшествіе 4-го Апрѣля.....

Но вотъ подробности этого небывалаго въ русской исторіи и грустнаго и радостнаго событія: грустнаго потому что освѣщаетъ возможность такого глубокаго, не человѣческаго извращенія природы въ молодомъ, двадцати трехъ-четырехъ лѣтнемъ человѣкѣ, какъ покушитель на жизнь въ полномъ значеніи *человѣка* — Государя, радостномъ во имя той преданности, любви, того великаго чувства національности, которыя никогда не ослабѣвая вспыхнули цѣлымъ пожаромъ, хлынули цѣлымъ потокомъ изъ края въ край, сливая въ одно чувство, чувства всѣхъ русскихъ людей и всю русскую землю.

Государь Императоръ гулялъ въ лѣтнемъ саду вмѣстѣ съ герцогомъ Николаемъ Максими-

ліановичемъ Лехтенбергскимъ и его сестрою Марією Максимиліановною Баденскою, вышедши изъ сада, онъ шелъ сѣсть въ ожидавшую его коляску, какъ и всегда толпа народа сопровождала Государя и вдругъ изъ этой толпы выходитъ молодой человѣкъ въ простомъ платьѣ и *нашей народной красной рубахѣ* и, вынувши изъ подъ верхняго платья двухствольный пистолетъ стрѣляетъ въ упоръ въ Государя... По слухамъ пистолетъ былъ прикрытъ просьбою, которую будто онъ хотѣлъ подать Государю. Городовой бывшій на замѣтномъ разстояніи отъ покушителя вскрикиваетъ можетъ быть отъ неожиданности, и бывшій въ близкомъ разстояніи отъ стрѣлявшаго Костромской крестьянинъ, Буйскаго уѣзда, села Молвитина, Осипъ Ивановичъ Коммиссаровъ съ свойственною русскому человѣку быстротою и смѣлливостію, ударяетъ злодѣя подъ локоть и тѣмъ спасаетъ безцѣпную жизнь Государя—Освободителя и Просвѣтителя своего народа.

Государь Императоръ съ твердостію выдержалъ этотъ ударъ, онъ какъ говорятъ «Биржевыя Вѣдомости» (№ 75) самъ первый схватилъ пре-

ступника и когда народъ кинулся, чтобы разстерзать этого отважнаго злодѣя, онъ остановилъ его и приказалъ арестовать преступника...

Все такъ просто, такъ обыденно складывалось въ происшествіяхъ этого знаменательнаго и незабвеннаго дня Преподобныхъ Іосифа, Георгія и Зосимы: Осипъ Ивановичъ Коммиссаровъ былъ имянинникомъ, онъ отпросился у хозяина и пошелъ отслужить молебенъ образу Нерукотвореннаго Спаса, что на Петербургской сторонѣ и потомъ по русскому обыкновенію, не работая въ этотъ день, пошелъ по бродить по городу и, разобранныя мостки на Невѣ привели его къ лѣтнему саду, такимъ образомъ, увидавъ экипажъ Государя Императора, онъ остановился поклониться ему, и не ждалъ и не чаялъ, что Богъ сподобитъ его быть спасителемъ такой драгоценной для всей русской земли жизни...

Фактъ совершенъ... Прежде нежели напечатать позорное имя преступника, войдемъ въ болѣе подробное изслѣдованіе значенія этого дня.

Значеніе его уже теперь имѣетъ громадныя

послѣдствіа: выстрѣлъ этотъ—послѣдняя грань, край того мѣста до котораго дерзко, озлоблено и самопадѣянно шли враги Россіи, 4-е апрѣля послѣдній день ихъ гнусной исторіи, завершившійся достойно ея... Выстрѣлъ этотъ до такой степени ярко освѣтилъ, съ другой стороны, и состояніе русскаго общества, что въ немъ не осталось не одного темнаго уголка... всѣ сомнѣнія, всѣ недоумѣнія разлетѣлись какъ дымъ; въ здоровомъ, потрясенномъ изъ одного края великой земли въ другой, задушевномъ чувствѣ русскаго человека сказались его задушевные помыслы сказалась никогда не дремавшая національность Россіи, она проснулась какъ левъ, сразу завоевала свое мѣсто, мѣсто не малое—всю Россію.

«Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая...

Обратимся же къ болѣе подробной характеристикѣ этого приснопамятнаго въ исторіи нашего развитія дня...

Вотъ что говоритъ передовая статья «*Московскихъ Вѣдомостей*» (№ 71)

«Незабвенный день! Изнемогая подъ его впе-

чатлѣніями, мы можемъ передать только въ скудномъ, блѣдномъ, неполномъ очеркѣ что происходило сегодня въ Москвѣ. И какъ выразить всю силу и искренность великаго народнаго чувства, которое запечатлѣло этотъ день для исторіи! Никогда земные властители не собирали дани болѣе чистой, болѣе свободной...

Упоминаемое въ депешѣ г. генералъ-губернатора все народное молебствіе въ Кремль происходило сегодня (*) въ полдень. Вѣсть о происшедшемъ не успѣла еще облетѣть городъ, когда раздался призывъ церковнаго благовѣста. Изумленный народъ собрался въ храмахъ, еще не вполнѣ зная о происшедшемъ, еще тревожно ожидая вѣрныхъ свѣдѣній объ исходѣ покушенія. Тутъ живѣе и трогательнѣе было благодареніе Провидѣнію за сохраненіе жизни столь драгоценной. Церковь Чудова монастыря не могла вмѣстить желавшихъ молиться, и по окончаніи богослуженія у мощей Св. Алексія Митрополита, молебствіе было совершено на площади, гдѣ

(*) 5-е Апрѣля.

въ прошломъ году, почти въ томъ же самый день, народъ такъ пламенно молился за сохраненіе юной, отлетавшей жизни Цесаревича Николая. Архипастырь Москвы не могъ, по болѣзни, самъ совершать богослуженіе. Священнодѣйствовали оба викарія, въ сослуженіи семи архимандритовъ. Благодарственная пѣснь раздалась при звонѣ колоколовъ. Тысячи народа пали на колѣни и склонили голову передъ благимъ Промысломъ, спасшимъ Государя для счастія и славы отечества. Надобно было видѣть эти массы, эти лица, эти слезы; передать все это невозможно.

Молебствіе кончилось, но народъ не разошелся, а густыми массами хлынулъ на Красную площадь. Часовня Іверской Божіей Матери была окружена несмѣтными толпами, непрерывно прибывавшими, непрерывно наполнялась молящимися. Громкія ликовапія слышались на улицахъ. Люди самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній, никогда не встрѣчавшіеся между собою, сходились какъ старые знакомые, какъ давніе друзья. Громче и чаще всего слы-

шалось въ народѣ восклицаніе: « *Онъ не Русскій, онъ не можетъ быть Русскій.* » До темныхъ сумерекъ оживленныя толпы народа наполняли площадь присутственныхъ мѣстъ.

Благодарственное молебствіе происходило во всѣхъ церквахъ столицы переполненныхъ народомъ. Въ церкви Московскаго университета молебствіе совершилось въ присутствіи попечителя округа, профессоровъ и студентовъ. Настоятелемъ церкви профессоромъ Сергіевскимъ произнесено было слово; а по окончаніи молебствія профессоры собирались въ чрезвычайное засѣданіе совѣта. Рѣшено было отправить немедленно телеграму съ вѣрноподданическими поздравленіями отъ имени профессоровъ и студентовъ. Открыта подписка на устройство неугасимой лампы предъ образомъ Св. Александра Невскаго въ церкви университета. Постановлено ходатайствовать о дозволеніи директору прибыть въ Петербургъ для поднесенія всеподданнѣйшаго адреса.

Въ 7 часовъ собиралась Общая Городская

Дума. Всеподданиѣйшій адресъ былъ составленъ чтобы завтра же, 6-го числа, голова съ старшинами отправились въ Петербургъ. Въ залѣ засѣданія было большое стеченіе публики, и гласные были всѣ на лицо. Текущія дѣла отложены.

Въ домѣ Дворянскаго Собранія, позднимъ вечеромъ, предводители, члены депутатскаго собранія и многіе находящіеся на лицо дворяне губерніи рѣшили отправить завтра же депутацію къ Государю Императору со всеподданиѣйшимъ адресомъ. Собраніе было исполнено неизобразимаго воодушевленія. Охранителю Царской жизни, Осипу Ивановичу Комисарову, доблестному земляку славнаго Сусанина, предположено поднести золотую шпагу.

Находящіеся на лицо представители губернскаго земства намѣревались также отправить депутацію, и въ продолженіе всей ночи ожидали въ залахъ Дворянскаго Собранія разрѣшенія открыть чрезвычайное засѣданіе для составленія всеподданиѣйшаго адреса.

Въ большомъ Театрѣ была дана опера Глинки *Жизнь за Царя*. Что лучше могло бы соответствовать и событію, и общему чувству! Увертюра и весь первый актъ выслушаны были въ молчаніи, но когда артисты стали удаляться во глубину сцены, публика громкимъ, единодушнымъ кликомъ потребовала народнаго гимна. Артисты живописнымъ строемъ выдвинулись на авансцену, музыканты въ оркестрѣ встали, встали всѣ зрители въ ложахъ и партерѣ, и громкое *ура*, потрясая стѣны, долго не давало пачать гимнъ; четыре раза сряду заставили артистовъ исполнить гимнъ, и каждый разъ по его окончаніи громкіе клики возобновлялись съ новымъ энтузіазмомъ. Восторгъ публики раздѣляли и артисты: съ необыкновеннымъ одушевленіемъ пѣли они народный гимнъ, громкое *ура* на сценѣ отзывалось на *ура* публики, и шапки актеровъ, представлявшихъ крестьянъ, легли кверху. Второй актъ оперы происходитъ какъ извѣстно, въ польскомъ станѣ: лишь только раздались первыя аккорды хора польскихъ воиновъ, и первыя пары стали подвигаться польскимъ къ аванс-

сценѣ, слышались крики: «Не надо! не надо! Третій актъ!» Наконецъ, все слилось въ дружномъ требованіи народнаго гимна. Актеры побросали прочь свои конфедератки, и подъ громъ рукоплесканій два раза сряду пропѣли *Боже, царя храни!* На этомъ кончился второй актъ. Въ третьемъ актѣ, когда враги приходятъ къ Сусанину, ихъ появленіе встрѣчено было гуломъ невольно раздавшимся въ публикѣ, а когда Сусанинъ пропѣлъ свой громовый отвѣтъ:

Страху не страшусь,
Смерти не боюсь,
Лягу за Царя, за Русь,—

общему восторгу не было границъ: крики *браво* и *ура* не умолкали въ теченіи многихъ минутъ, и г. Радонежскаго заставили три раза повторить свой отвѣтъ, который такъ шелъ къ настоящему случаю: и Сусанинъ, и Комисаровъ оба Костромичи. Продолжать сцену тотчасъ же было невозможно: общее настроеніе было слишкомъ восторженно, и снова Поляки побросали свое

польское оружіе, свои мечи и шишаки, снова стали русскими, сцена снова наполнилась всѣми артистами оперной труппы, и снова раздались торжественные звуки народнаго гимна, повтореннаго опять нѣсколько разъ сряду. Первая сцена четвертаго акта была торжествомъ для г-жи Опоре, которая превзошла себя драматическимъ исполненіемъ партіи Вани. Г-жа Александрова въ этотъ вечеръ тоже съ особеннымъ воодушевленіемъ и необыкновеннымъ искусствомъ, исполняла трудную партію Антонида. Окончаніе четвертаго акта, когда Поляки въ лѣсу заносятъ мечи на Сусанина, вызвало сильное движеніе въ публикѣ, и заставъсь долженъ былъ опуститься ранѣе обыкновеннаго. Въ эпилогѣ великолѣпный заключительный хоръ *Славься* перешелъ въ народный гимнъ, который, по требованію, повторенъ былъ нѣсколько разъ.

Завтра, въ среду, на Большомъ театрѣ, снова идетъ опера *Жизнь за Царя*, и исполненъ будетъ народный гимнъ. Въ Маломъ Театрѣ, передъ началомъ спектакля, тоже былъ испол-

ненъ народный гимнъ, и повторенъ раза четыре (*).

Вотъ отзывъ С. Петербургскихъ Вѣдомостей.

«Къ этому извѣстію, переданному нами изъ «Journal de St. Petersbourg», (**) мы можемъ прибавить, что Государь Императоръ, послѣ чудеснаго избавленія, принесъ благодарственную молитву въ Казанскомъ соборѣ. Вечеромъ толпы народа окружали Зимній дворецъ и стояли на близъ лежащихъ улицахъ, — ожидая проѣзда Царя-Освободителя. Городъ былъ иллюминированъ. Ходятъ слухи, что руку убійцы, намѣревавшагося выстрѣлить почти въ упоръ, отстранилъ костромской крестьянинъ. Вѣсть объ ужасномъ событіи быстро распространилась по всему городу и глубоко поразила умы всѣхъ. Жизнь Того, Кого Россія привыкла считать своимъ державнымъ Преобразователемъ, въ Комъ видитъ она залогъ своего благоденствія, Кого русскій народъ при жизни чтитъ своимъ Царемъ Осво-

(*) На третій день артисты служили молебенъ за здравіе Государя иза спасеніе его.

(**) Извѣстіе о покушеніи.

бодителемъ, Государемъ пародолюбивымъ и Благо-
 годѣтелемъ, —находилась въ опасности! Болѣз-
 неннымъ, тяжелымъ впечатлѣніемъ отзовется
 это ужасное событіе по лицу всей земли рус-
 ской и еще крѣпче, еще сердечнѣе оно свяжетъ
 всѣ сословія съ обожаемымъ Монархомъ, еще
 ревностнѣе и еще дружнѣе они станутъ всѣ око-
 ло престола охраняя Его державный покой.
 Перстъ провидѣнія указываетъ ясно, что Ему
 вручены судьбы Россіи; что надѣляя русскій на-
 родъ тѣми благами, которыя исходили изъ Его
 любящаго сердца, Помазаникъ Божій исполнялъ
 волю охраняющаго Его Провидѣнія. Да благо-
 депствуетъ же обожаемый Монархъ и да спа-
 сетъ Его покровъ Всевышняго отъ всякой бѣды
 и напасти, отъ всѣхъ скорбей и несчастій. Въ
 этой искренней, задушевной молитвѣ сольются
 шестьдесятъ милліоновъ русскихъ людей, на
 всемъ пространствѣ благодарной, облагодѣтель-
 ствованной Имъ Россіи. »

Вотъ откликъ «Голоса».

«4 апрѣля въ четвертомъ часу по полудни, въ
 то время, когда Государь Императоръ, кончивъ
 свою прогулку въ Лѣтнемъ саду, изволилъ са-

даться въ коляску, неизвѣстный выстрѣлилъ на Его Величество изъ пистолета. Божіе Провидѣніе предохранило драгоцѣнные дни Августѣйшаго нашего Государя. Преступникъ задержанъ. Разслѣдованіе производится...»

«Таково краткое офиціальное извѣстіе о страшномъ, небываломъ на русской землѣ событіи разосланное сегодня вечеромъ въ особомъ прибавленіи къ «Сѣверной Почтѣ!»

Но, гораздо прежде напечатанія—этого извѣстія, повсюду, даже въ самыхъ отдаленныхъ закоулкахъ города, ужасное событіе уже рассказывалось и толковалось всѣми слоями населенія столицы, а около восьми часовъ вечера колокольный звонъ въ церквахъ призывалъ русскій народъ принести благодарственное моленіе Царю царствующимъ за чудесное избавленіе отъ опасности любимаго, обожаемаго народомъ Государя «Неизвѣстный»—говоритъ офиціальное извѣстіе, и невольно каждый задаетъ себѣ вопросъ: кто же можетъ быть этотъ «неизвѣстный»? во имя чего, во имя какихъ побужденій можно было покуситься на жизнь добраго, благодушнаго, глубоко любящаго Россію, Государя,

царствованіе Котораго полно столькихъ великихъ дѣлъ на пользу русскаго народа? Чего хотѣлъ, чего искалъ гнусный убійца? И непонятно, и возмутительно...

Но воздержимся отъ выражений глубокаго негодованія, которымъ переполнено сердце: оно должно быть понятно каждому... оно, наконецъ затихаетъ передъ этимъ громаднымъ порывомъ восторга и радости, охватившемъ всю столицу мгновенно, какъ только всюду стало извѣстно, что Провидѣніе сохранило драгоцѣнную для Россіи жизнь Государя. Въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, т. е. въ одиннадцать часовъ вечера, народъ еще толпами наполняетъ церкви и молится; весь городъ иллюминированъ; многія зданія казенныя и частныя освѣщены сверху до низу; на балконѣ дома благороднаго собранія играетъ музыка, и при звукахъ «Боже, Царя храни» передъ домомъ гудитъ неумолкаемое «ура!» Въ Александринскомъ театрѣ до 9 часовъ не могли пачать представленіе: публика требовала нѣсколько разъ повтореніе гимна...

Словомъ, вездѣ и всюду радость, восторгъ всеобщіе искренніе, неподдѣльные, истинно русскіе!

Что еслибъ преступникъ могъ видѣть и слышать все это: какимъ бы это было страшнымъ отмщеніемъ за его гнусное, безумное покушеніе!

Но какимъ чудомъ спасенъ Государь, на котораго выстрѣлъ былъ направленъ всего въ нѣсколькихъ шагахъ? Провидѣнію угодно было, чтобъ великодушный Монархъ, давшій свободу и землю двадцати милліонамъ крестьянамъ, былъ спасенъ однимъ изъ этихъ двадцати милліоновъ, въ лицѣ временнообязаннаго крестьянина Костромской губерніи, буйскаго уѣзда, села Молвитинина, помѣщика барона Кистера — *Осипа Иванова Комисарова*... Вотъ собранныя нами паскоро свѣдѣнія о подробностяхъ страшнаго событія, отъ котораго мы едва еще можемъ придти въ себя.

Самое простое обстоятельство привело сего-дня Осипа Ивановича Комисарова къ лѣтнему саду: сего-дня день его именинъ, и поэтому случаю освобожденный отъ работы хозяиномъ, у котораго онъ панимается на фабрику, онъ шолъ на Петербургскую сторону отслужить молебень образу Спаса Нерукотвореннаго. Проходя мимо

Лѣтняго сада, онъ увидѣлъ экипажъ Императора и остановился, вмѣстѣ съ другими, дожидаться выхода Государя изъ сада, чтобы поклониться ему. Когда Государь вышелъ и хотѣлъ уже садиться въ коляску, Осипъ Комисаровъ замѣтилъ, что протискавшійся изъ толпы около него какой-то молодой человѣкъ въ сѣромъ пальто, вынувъ изъ-за пазухи пистолетъ, направилъ его прямо на Государя, и въ ту минуту, когда гнусный убійца спускалъ курокъ, Осипъ Комисаровъ успѣлъ ударить его подъ локоть, такъ что пуля пролетѣла далеко выше головы Государя.

Преступникъ ударился бѣжать, но за нимъ въ погоню бросился стоявшій тутъ же въ толпѣ другой крестьянинъ, и саженьяхъ въ пятнадцати отъ мѣста преступленія, успѣлъ его схватить. Государь сохранилъ полное спокойствіе духа, и когда народъ бросился на преступника, Онъ остановилъ его, приказавъ стоявшимъ вблизи полицейскимъ солдатамъ арестовать убійцу, а Самъ поѣхалъ во дворецъ, откуда въ скоромъ времени отправился въ Казанскій соборъ для принесенія Господу Богу благодаренія за чудес-

ное освобожденіе отъ опасности. По возвращеніи, Государь былъ у дворца встрѣченъ уже огромною толпою народа, привѣтствовавшею его громкими криками «ура»! Въ самомъ дворцѣ ожидали Государя чины военные и гражданскіе и, по рассказамъ очевидцовъ, въ стѣнахъ дворца восторгъ былъ такъ же силенъ и клики такъ-же неумолкаемы, какъ и среди народа на площади... Въ эти торжественныя минуты Государь могъ еще разъ увидѣть, какъ Онъ любимъ, какъ велика къ Нему преданность облагодѣтельствованнаго Имъ народа и какою твердою, сплошною стѣною окружаетъ она Выценосца, на Которомъ почіетъ спокойствіе и благоденствіе Россіи. Такія минуты исторія записываетъ золотыми буквами на своихъ скрижаляхъ...

Вотъ голосъ «Русскаго Цивалида»:

Сегодняшній день намъ предстоитъ прежде всего говорить о совершившемся событіи, гибельные результаты котораго предотвращены были всеблагимъ Божіимъ Промысломъ. Судя по тому напряженному положенію, въ которомъ находился сегодня весь городъ, мы убѣждены, что

всѣ наши городскіе читатели, не смотря на то, что мы по недостатку времени не имѣли возможности разослать особаго прибавленія всѣмъ здѣшнимъ подписчикамъ, уже знаютъ о томъ злодѣйскомъ покушеніи, которое совершено было противъ Особы Государя Императора, точно также, какъ знаютъ они и то, что Провидѣнію угодно было для счастія Россіи сохранить драгоцѣнную жизнь Царя, Который Своею Державною рукою начерталъ такой широкій планъ для нашей новой государственной жизни. Всевышнему угодно было отвратить руку позорнаго злодѣя, который однимъ движеніемъ могъ лишить Россію Царственнаго Руководителя, открывшаго намъ новый путь для развитія благоденствія, положившаго твердыя и незыблемыя начала для нашей народной дѣятельности, которая въ будущемъ принесетъ обильные плоды для русскаго государства. Съ ужасомъ и чувствомъ глубокаго омерзѣнія заносимъ мы этотъ печальный фактъ на страницы нашей газеты, съ искреннимъ сожалѣніемъ думаемъ о той средѣ, въ которой могутъ вырабатываться такіа личности, если толь-

ко человекъ, покушавшійся на жизнь Государя Императора, не безумецъ, лишившійся послѣдней капли здраваго разсудка, и съ радостію возносимъ мольбы за спасеніе жизни Государя, драгоцѣнной для каждаго русскаго гражданина. —

Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы обязаны указать и на того человека, которому выпала завидная доля быть орудіемъ Провидѣнія и предохранить жизнь Царя. Какъ въ XVII вѣкѣ, родоначальникъ нынѣ Царствующаго дома былъ спасенъ отъ злодѣйскихъ рукъ крестьяниномъ Костромской губерніи, такъ и сегодня завидный жребій — отвести руку злодѣя — выпалъ на долю костромскаго же крестьянина Комисарова. Всякій русскій живетъ всегда съ готовностью не только защищать своего Царя, но и ежеминутно пожертвовать своею жизнію за него. Въ этомъ отношеніи нѣтъ различія между состояніями: первый образованный дворянинъ, воспитанный въ роскоши, и послѣдній поселянинъ, едва имѣющій понятіе о первоначальныхъ потребностяхъ для человѣческаго существованія, одинаково готовы положить свою

жизнь за Царя. Въ этомъ никто не усумнится, тѣмъ болѣе, что русская исторія не бѣдна подобными примѣрами. На этотъ разъ однако руку злодѣя отъ царственной груди отвелъ человекъ, принадлежащій къ тому сословію, которое своею гражданскою жизнью и всѣмъ своимъ настоящимъ и будущимъ обязано Царю Освободителю.

Монаршая милость возвела Комисарова въ дворянское достоинство. Фамилія эта, съ которою отнынѣ будетъ соединяться воспоминаніе радостнаго для Россіи дня, будетъ однимъ изъ лучшихъ украшеній русскихъ дворянскихъ фамилій.»

Въ «Сѣверной Почтѣ» напечатано:

«Возблагодаримъ Бога. Его десница отвратила отъ Россіи величайшее бѣдствіе, которое ее могло-бы постигнуть. Жизнь Государя Императора сохранена Его Царственному Семейству и великой семьѣ русскаго народа. Преступный замыселъ не осуществился; пуля злодѣя не коснулась Государя, и Его чудесное спасеніе видимо обнаруживаетъ, что драгоценные дни Его охраняются Провидѣніемъ. Въ ту минуту, когда Государь Императоръ, въ сопровожденіи Герцога

Николая Максимиліановича Лейхтенбергскаго и Его сестры Принцессы Маріи Максимиліановны Баденской, выходилъ изъ воротъ Лѣтняго сада у Цевы, неизвѣстный человѣкъ, въ простомъ платьѣ, направилъ пистолетъ на Его Величество и готовился выстрѣлить, почти въ упоръ. Это замѣтилъ находившійся вблизи городской; онъ вскрикнулъ, а крестьянинъ, случившійся подлѣ преступника, толкнулъ его руку. Выстрѣлъ раздался, но пуля вылетѣла, не причинивъ Государю никакого вреда. Имя крестьянина, которому Богъ даровалъ счастіе быть орудіемъ Своего благаго Промысла, отнынѣ принадлежитъ нашей исторіи. Мы спѣшимъ передать его. Онъ крестьянинъ Осипъ Ивановъ Комисаровъ, уроженецъ Буйскаго уѣзда Костромской губерніи. Неизвѣстный преступникъ задержанъ тотчасъ, на самомъ мѣстѣ преступленія, съ двуствольнымъ пистолетомъ въ рукѣ; одна пуля въ немъ еще оставалась. Государь Императоръ, сохранивъ свойственное Его обычной неустрашимости спокойствіе духа, приказалъ отправить арестованнаго къ шефу жандармовъ, а Самъ тотчасъ по-

сѣтилъ Казанскій соборъ, для принесенія молитвы о Своемъ спасеніи, и затѣмъ изволилъ возвратиться въ Зимній дворецъ. Между тѣмъ Герцогъ Лейхтенбергскій и Принцесса Баденская прибыли въ комнаты государственнаго совѣта для извѣщенія о случившемся председательствовавшего въ совѣтѣ Великаго Князя Константина Николаевича. Засѣданіе только что кончилось. Великій Князь поспѣшилъ къ Государю, а члены совѣта и чины канцеляріи, бывшіе еще въ сборѣ, отправились въ большую церковь Зимняго дворца для совершенія благодарственнаго Господу Богу молебствія, и затѣмъ къ Его Величеству для выраженія одушевлявшихъ ихъ вѣрноподданническихъ чувствъ. Государь Императоръ соизволилъ благосклонно принять ихъ. Вскорѣ Его Величество, вмѣстѣ съ Государыней Императрицей и въ сопровожденіи всего Августѣйшаго Семейства, снова посѣтилъ Казанскій соборъ, а по возвращеніи оттуда изволилъ принимать собравшихся между тѣмъ въ Зимнемъ дворцѣ.»

Вотъ мнѣніе «*Journal de St. Petersburg*».

Невозможно выразить чувство горестнаго

оцѣпенія, овладѣвшаго городомъ, когда съ быстрой молніею распространилась въ немъ вѣсть о покушеніи на жизнь Государя.

Вскорѣ во всѣхъ храмахъ множество вѣрно-подданныхъ уже возсылали къ Богу пламенные благодарственные молитвы за спасеніе жизни Монарха.

Самъ Государь Императоръ, прежде чѣмъ возвратиться во Дворецъ, отправился въ Казанскій соборъ возблагодарить Всевышняго.

Спустя нѣкоторое время, Его Величество возвратился въ соборъ, въ сопровожденіи Ея Величества Императрицы и Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Александровны.

Въ церкви Зимняго Дворца былъ отслуженъ благодарственный молебенъ.

Всѣ члены Императорской Фамиліи, находящіеся въ С.-Петербургѣ, собрались во Дворецъ.

Вскорѣ высшіе государственныя сановники, придворныя лица и состоявшіе въ свитѣ Его Величества поспѣшили туда-же, равно какъ офицеры гвардіи и проч.

Ихъ Величества, при своемъ появленіи, были привѣтствованы нескончаемымъ «ура!», въ которомъ слились всѣ сердца, изъ всѣхъ глазъ лились слезы счастья.

Восторженные восклицанія длились такъ долго, что Государь Императоръ едва могъ наконецъ выразить свою благодарность.

Въ эту минуту представили Его Величеству человека, который еще до выхода Государя получилъ множество поздравленій — крестьянина Костромской губерніи по имени Осипа Иванова, того самаго, который, оттолкнувъ вооруженную пистолетомъ руку, отвелъ ударъ смертоноснаго оружія и обезпечилъ спасеніе Его Величества.

Государь обнялъ этого человека и сказалъ ему: «Я дѣлаю тебя дворяниномъ!» Потомъ, обратясь къ окружающимъ, Его Величество прибавилъ: «Что вы объ этомъ думаете, господа?»

Отвѣтомъ было продолжительное и восторженное «ура», въ которомъ выразилась благодарность всей Россіи».

«Биржевыя Вѣдомости» говорятъ:

«Ни одинъ государь въ Европѣ, не пользуется

такою сердечною любовью своихъ подданныхъ, какъ русскій Императоръ, воззавшій свой народъ къ новой жизни и мысли, къ свободѣ труда и преуспѣянія. Царствованіе Государя Александра Николаевича составитъ лучшую страницу русской исторіи. Мы гордимся, что намъ суждено принадлежать къ поколѣнію, живущему въ такое время, когда великій Государь поднялъ священное и законное знамя противъ крѣпостнаго состоянія и невѣжества... и, при всемъ томъ, мы сего дня должны внести на страницы нашихъ вѣдомостей горестную для всякаго русскаго отвратительную новость. Сегодня, 4-го апрѣля, въ 4 часа пополудни, когда Его Величество, кончивъ свою прогулку въ Лѣтнемъ саду, изволилъ садиться въ коляску, неизвестный выстрѣлилъ на Государя изъ пистолета. Говорятъ, что одному молодому крестьянину удалось отвѣсти цареубійственную руку. Государь, спасенный для насъ Провидѣніемъ, остался совершенно невредимъ. Послѣ этого потрясающаго событія Государя видѣли въ Казанскомъ соборѣ, куда Его Величество отправился для принесенія благодарности Господу

Богу. Возвратившись во дворецъ Государь выходилъ на балконъ показаться народу, нетерпѣливо желавшему убѣдиться своими глазами въ совершенномъ здоровіи своего Государя Освободителя. Уже смеркалось, когда Государь съ великой княжной выѣхалъ изъ Зимняго дворца въ коляскѣ, и толпа народа, хлынувшая за нимъ, привѣтствовала Его восторженными кликами. Вечеромъ всѣ главныя улицы и многіе дома были иллюминированы. Въ домѣ дворянскаго собранія, при великолѣпномъ освѣщеніи и при открытыхъ окнахъ, весь вечеръ раздавалась музыка. Народъ толпою окружалъ домъ. Крики «ура» переносились со одного конца площади къ другому. Самъ Государь, какъ говорятъ, первый схватилъ убійцу... кто это злосчастной, — мы того не знаемъ. Разслѣдованіе производится“.

И наконецъ, въ этой журнальной семьѣ «Русскія Вѣдомости», вышедшія, по своему сроку, позднѣе другихъ говорятъ:

«Прежде чѣмъ листы нашей газеты успѣютъ дойти до рукъ читателя, страшная, потрясающая

вѣсть ужь облетѣла молніей по всѣмъ предѣламъ нашего отечества. Немного, вѣроятно, найдется уголковъ, куда нашъ голосъ принесетъ первое слово о неслыханномъ въ лѣтописяхъ нашей исторіи злодѣйствѣ, о покушеніи на жизнь Государя Императора, совершенномъ въ Петербургѣ, въ истекшій попедѣльникъ 4-го апрѣля. Но десница Провидѣнія, неустанно бодрствующая надъ судьбами нашей отчизны, отклонила висѣвшую надъ русской землей страшную опасность, наполнивъ благодарной радостью и священнымъ ликоваіемъ сердца русскаго народа. Простой, безхитростный крестьянинъ Костромской губерніи былъ избранъ орудіемъ верховнаго промысла.

Не теперь, въ минуту только что миновавшей опасности, когда трудно провести грань между чувствомъ ужаса и чувствомъ восторга, попеременно наполняющими сердце, невозможно было бы измѣрить всю глубину чернаго, неимѣющаго имени злодѣйства, которымъ рука несчастнаго безумца готова была осквернить скрижали нашей исторіи.

Все что мы можемъ теперь сдѣлать, это передать съ одной стороны тѣ подробности, при которыхъ совершилось покушеніе, и съ другой изобразить, насколько это въ нашихъ силахъ, ту картину, въ которой выразились чувства нашей столицы при вѣсти о спасеніи дорогой для нея жизни.

Кто видѣлъ Москву 5-го апрѣля, тотъ едва ли найдетъ достаточно словъ, чтобъ выразить всю высоту вздымавшагося въ ней народнаго чувства, попеременно переходившаго отъ теплой, восторженной молитвы, къ столько же горячему и столько же восторженному ликованію.

Первопрестольная столица издревле славится за сердце Россіи; въ этотъ памятный день, въ своихъ мощныхъ біеніяхъ, это сердце передало всю богатырскую силу русскаго народа, всю безграничную любовь его къ Царю-народолюбцу^а.

Все слилось въ одинъ голосъ, стушевались всѣ партіи, всѣ направленія — у всѣхъ одна мысль, одна идея — все за великодушнаго Мо-

нарха-Освободителя, вся Русь, какъ одинъ человекъ; и эта наша драгоцѣнная, не имѣющая примѣра въ другихъ народахъ, чисторусская національная черта: во время невзгодъ отчизны, во время опасности, мы всѣ родныя братья и будто дѣти одной матери—все молчаливо смыкаемся одною сплошною грозною, молчаливою стѣною.... Здѣсь угрожавшая опасность только что смѣнилась широко, разлившейся, духъ захватившей радостью которая кромѣ общихъ чертъ выражалась и во многихъ частности; нѣкоторыя изъ нихъ, преимущественно изъ жизни Москвы, мы приводимъ здѣсь для характеристики этаго замѣчательнаго дня. Такъ рассказываютъ, что одинъ небольшой фабрикантъ, имѣющей заведеніе и нѣсколько рабочихъ, прочитавъ депешу быстро вошелъ въ мастерскую: «кидай работу ребята! обратился онъ къ своимъ рабочимъ, нынѣ праздникъ, пойдемъ всѣ въ Кремль благодарить Бога за спасеніе батюшки—Царя!». И рассказавъ все обстоятельно, двинулся съ ними къ Чудову... Народъ еще спозаранку забрался въ Кремль и, снявъ шапки своимъ мол-

чаливымъ ожиданіемъ вызвалъ молебствіе изъ Чудова на плацъ — по окончаніи молебна на плацу, онъ густыми толпами двинулся къ часовни Богоматери Иверской и этими густыми толпами упалъ на колѣни предъ Ея образомъ и часовней...

Не имѣя готовыхъ подмостковъ для образовъ, народъ держалъ все время молебна на плацу большіе и тяжелые образа на рукахъ. Мы не беремся передавать ни картины, ни впечатлѣнія этой молитвы — какъ справедливо говорятъ «Московскія Вѣдомости» это надо было видѣть. Всѣ дни: вторникъ, среду, четвергъ, и далѣе Москва смотрѣла празднично. «Вишь Господь-то перемѣнилъ гнѣвъ на милость — какую радость послалъ, будто святая недѣля на дворѣ!» И дѣйствительно и по звону и по праздничнымъ лицамъ будто продолжалась свѣтлая недѣля; не смотря на то, что нѣкоторые фабриканты, по рассказамъ, выкатили фабричнымъ по бочкѣ и болѣе вина за здоровье Государя и тотъ мастерокъ, что ходилъ всѣмъ заведеніемъ въ Кремль, (да и не одинъ онъ) угощалъ потомъ своихъ рабочихъ, не смотря

на то, что была иллюминація, гулянье, пьяныхъ было замѣтно не много.

— Эка, братецъ ты мой счастье какое этому Осипу подвалило!

— Да!

— Поди ты!

— Что же такое: всякій бы на его мѣстѣ это сдѣлалъ — русской вѣдь онъ человѣкъ!

Слышалось тутъ и тамъ. Куда не обернись, гдѣ ни прислушайся, разговоръ объ одномъ, одна мысль, одна рѣчь.

Въ другихъ классахъ тоже самое: во вторникъ, отдѣльныхъ номеровъ «Московскихъ Вѣдомостей» одною конторою Оленица, имѣющаго уличную разnosку, продано слишкомъ пять сотъ экз. всѣ кабинеты для чтенія были наполнены читающими, одинъ номеръ читали вдругъ нѣсколько человѣкъ, всѣ послѣдующіе дни Петербургская почта и выходъ Московскихъ вѣдомостей ждались съ нетерпѣніемъ съ самаго утра. Нѣтъ ли чего новаго, новаго, новаго? спрашивалось на тысячу ладовъ. Удовлетворясь подробнымъ описаніемъ самаго факта, еще болѣе напряженное любопытство

остановилось на открытіи имени покусителя, его званіи, происхожденіи... Общество ждало раскрытія, слѣдствія, съ нескрываемымъ любопытствомъ, оно постепенно переходило къ отгадкѣ значенія факта, къ его внутреннему содержанию, къ уразумѣнію этаго содержанія. «Нѣтъ онъ не русскій,» онъ не можетъ быть русскимъ. Избави Богъ!... У меня одна молитва, чтобы не былъ русскимъ, слышалось съ разныхъ сторонъ. «Злодѣй намъ еще неизвѣстенъ; но кто бы ни былъ, мы не признаемъ его за русскаго» энергично, всѣми своими голосами, говорила Московская Дума своему Государю.

Между тѣмъ въ публичныхъ собраніяхъ, на дворѣ университетскомъ, въ театрахъ, въ клубахъ, въ Московскомъ и другихъ трактирахъ шли шумныя выраженія того же всё и всѣхъ проникшаго чувства: два раза сряду въ Московскомъ большомъ театрѣ шла опера «Жизнь за Царя...» но шла она измѣненная, даже измѣняемая зрителями по настроенію ихъ чувствъ: весь второй актъ: польскій балъ, польскіе тапцы были выпущены, патріотическія мѣста оперы,

речитативъ польскихъ воиновъ съ Сусанинымъ, которымъ впрочемъ публика не давала вымолвить почти ни одного слова, и особенно отвѣтъ Сусанина.

Страха не страшусь,
Смерти не боюсь,
Лягу за царя, за Русь!

были повторяемы съ громкимъ рукоплесканіемъ съ криками ура! Пѣсня Ваши, партія Сабининыхъ, хоръ русскихъ дѣвушекъ, все это вызывало не-притворное сочувствіе, неподдѣльный восторгъ: зрители, какъ будто, любовались своими родными картинами, восторженно откликались геніальнымъ звукамъ музыки своего роднаго напѣва, классически-русской музыкѣ Глинки. Напротивъ того все, что въ оперѣ отмѣчало другую сторону ея содержанія, враждебную польскую сторону вызывало нескрываемое презрѣніе, явный протестъ; въ этотъ вечеръ сказалась не художественная, но патріотическая оцѣнка оперы, народное національное чувство къ событіямъ дня двигавшимся въ ней предъ зрителями: все враж-

дебное патриотическому чувству вызывало бурный, грозный, единодушный протест и успокаивалось только при звукахъ народного гимна..

Единодушный крикъ всей громадной зрительной залы, сливавшійся въ громоносное ура при появленіи въ прологѣ портрета Государя Императора Александра Николаевича досказалъ силу и напряженіе чувствъ, которое долго еще можетъ горѣть, горѣть ярко, сокрушая все враждебное, даже и въ такомъ напряженномъ состояніи.

4 Апрѣля, положительно великій историческій день въ русской жизни, онъ высказалъ ясно то, что глубоко хранило и хранитъ, какъ свою святыню современное, истинно русское общество, онъ даетъ ему другой благотворной оборотъ открываетъ новую эру нашей исторіи, въ которой мы уже не будемъ стыдиться своего и, со словъ другихъ, склоняться на другую сторону, во имя призрачнаго чужаго.

Всѣ слои общества, всѣ сословія отдѣльно и вмѣстѣ непритворно радостно, гдѣ попало, какъ пришлось, собравшись вмѣстѣ или одиночно, ус-

ловно соединясь или сойдясь случайно, спѣшили выразить свою радость, свою преданность, свое счастье быть русскими въ этотъ день, или во имя этаго дня. Мы набрасываемъ очеркъ этого великаго времени только по тому чѣмъ характеризировали себя въ это время Петербургъ и Москва . . . по что было внутри Россіи, въ ея широкомъ, великомъ пространствѣ, то можно угадывать только по прилагаемымъ въ концѣ нашей брошюры адресамъ и депешамъ и едвали возможно уловить и втиснуть въ одну общую картину какъ бы широки не были ея рамы. . . ее можно только представлять, чувствовать! Вотъ очеркъ картины этихъ дней въ Петербургѣ: 5-го апрѣля въ 11 часовъ утра въ Исакіевскомъ соборѣ послѣ божественной литургіи, совершено было благодарственное молебствіе о спасеніи драгоцѣнной жизни Государя Императора, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государя Наслѣдника Цесаревича, Великихъ Князей Владимира и Алексѣя Александровичей, Константина Николаевича, Николая Николаевича Старшаго, Великой княгини Александры Іосифовны и Ея

Августѣйшихъ дѣтей, принцесы Маріи Максиміліановны Баденской и герцога Мекленбургскаго. При божественной службѣ находились высшіе военные и гражданскіе чины принадлежащіе къ Императорскому двору, особы обоего пола, предводители и депутаты дворянства С.-Петербургской губ. здѣшній городской голова и депутаты отъ городскихъ сословій, народъ наполнилъ обширную внутренность собора.

Въ часъ по полудни Государь Императоръ изволилъ принимать въ Бѣлой залѣ Зимняго дворца представителей дворянскаго и городскихъ сословій. За нѣсколько времени до часа, назначеннаго для пріема, вся зала наполнилась членами С.-Петербургскаго дворянства къ которому присоединились находящіеся въ С.-Петербургѣ дворяне другихъ губерній и членами городской думы биржеваго купечества и другихъ городскихъ сословій. Когда растворились двери золотой залы и Государь Императоръ вступилъ въ Бѣлую съ Государыней Императрицей и въ сопровожденіи Государя Цесаревича и другихъ Великихъ князей, ихъ встрѣтило, единодушное

ура неумолкавшее ни на одно мгновение въ теченіи нѣсколькихъ минутъ. Ихъ величество видимо были тронуты. Ихъ окружили со всѣхъ сторонъ, восклицанія продолжались; слезы самаго искренняго умиленія были на всѣхъ глазахъ. Когда установилось мгновение тишины, С.-Петербургскій губерскій предводитель дворянства графъ Орловъ-Давыдовъ обратился къ Государю Императору съ слѣдующимъ привѣтствіемъ.

Ваше Императорское Величество.

«При семъ горестномъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ утѣшительномъ случаѣ мы предводители, депутаты и дворяне С.-Петербургскіе предстоя предъ Вами, Государь, не говоримъ отъ имени дворянъ всей Россіи, потому только что каждое дворянское собраніе дорожитъ правомъ выражать само свое чувство, но отъ имени нашихъ довѣрителей дворянъ столицы и петербургской губерніи мы нынѣ выражаемъ предъ Вашимъ Величествомъ нашу скорбь, что рука преступника или умалишеннаго посягнула на Вашу Высочайшую, церковью освященную и намъ дражайшую Осо-

бу (Здѣсь продолжительный взрывъ восторженныхъ восклицаній прервалъ Графа Орлова-Давыдова. Потомъ онъ продолжалъ) «и вмѣстѣ съ тѣмъ возносимъ Богу благодарственные моленія за то, что онъ защитилъ Россію отъ бѣдствія спасая Вашу жизнь.

Государь! позвольте намъ въ настоящую минуту вспомнить, что въ этомъ самомъ дворцѣ въ 3-й день Вашего царствованія, Вы, принимая С.-Петербургскихъ депутатовъ сказали имъ, что надѣетесь видѣть всегда русское дворянство въ началѣ и во главѣ всякаго доблестнаго и полезнаго подвига.

При помощи Божіей эта благодатная надежда Вашего Императорскаго Величества оправдается къ многолѣтнему утѣшенію Вашего чадолюбиваго сердца». Послѣднія слова Графа Орлова-Давыдова снова были покрыты громкимъ ура! Государь Императоръ изволилъ обратиться къ собранію съ слѣдующими словами.

«Господа дворяне и господа члены другихъ сословій! Благодарю васъ отъ всей души за выра-

женіе вашихъ чувствъ при этомъ грустномъ случаѣ».

«Такъ и въ прошломъ году, въ это же время, всѣ сословія выразили Мнѣ свое искреннее сочувствіе. Если кромѣ вѣры въ Бога, что поддерживаетъ Меня въ Моёмъ трудномъ служеніи, то это именно та преданность и тѣ чувства, которыя мнѣ постоянно выражаются съ такимъ единодушіемъ во всѣхъ трудныхъ случаяхъ какъ отъ васъ господа дворяне, такъ и отъ всѣхъ другихъ сословій. Еще разъ благодарю васъ всѣхъ отъ всего сердца»

Затѣмъ обращаясь къ представителямъ дворянства Государь Императоръ продолжалъ:

«Надѣюсь, что вы господа дворяне радушно примите въ свою среду вновь возведеннаго Мною въ дворянское достоинство вчерашняго крестьянина, который спасъ мнѣ жизнь. Я думаю, что этимъ онъ вполне заслужилъ честь быть русскимъ дворяниномъ».

Всеобще ура было отвѣтомъ его Величеству. Государь изволилъ пожать руку губернскаго предводителя и обнялъ его. Графъ-Орловъ Давы-

довъ поцѣловалъ руку Его Величества. Громкое ура продолжало раздаваться и уже не прекращалось до самыхъ тѣхъ поръ, пока Государь Императоръ и Государыня Императрица пройдя до конца Бѣлой залы и шествуя обратно сквозь густую толпу лицъ. Ихъ окружающихъ и приписившихъ Имъ искреннѣйшія и живѣйшія прывѣтствія и поздравленія удалились во внутреннія дворцовыя покои.

Въ 4 часа по полудни было совершено высокопреосвященнымъ Митрополитомъ Исидоромъ, соборное молебствіе у воротъ Лѣтняго сада на мѣстѣ чудеснаго избавленія Государя, также въ присутствіи членовъ Императорской фамиліи, при громадномъ стеченіи народа.

Въ 1-мъ Военномъ Павловскомъ училищѣ по полученіи извѣстія о покушеніи на жизнь Государя Императора и о сохраненіи невредимою Его священной особы явилась мысль поднести Его Величеству образа святителей, память которыхъ празднуется 4 апрѣля и чудеснымъ заступничествомъ которыхъ сохранена жизнь, столь драгоценная для каждого русскаго, копію

же съ этихъ образовъ оставить въ церкви училища.

Вечеромъ 4-го апрѣля въ С.-Петербургскомъ Благородномъ Собраніи служили благодарственное молебствіе, а потомъ была иллюминація и конно-гвардейскій оркестръ игралъ на балконѣ. Густыя толпы народа собрались противъ Клуба по Морской и Невскому проспекту и громкими ура встрѣчали каждое повтореніе народнаго гимна.

Молебствіе было совершено на станціи Варшавской желѣзной дороги. Толпы народа нѣсколько дней не отходили отъ Зимняго дворца.

Предложено соорудить часовню на томъ мѣстѣ на которомъ Провидѣніе сохранило жизнь Государя, и уже получено на это разрѣшеніе. Москва, также намѣрена соорудить такую же часовню.

4-го апрѣля во всѣхъ Петербургскихъ театрахъ происходили пламенные заявленія чувства преданности Государю и радости о Его избавленіи отъ опасности. Особенно шумны и сильны были эти заявленія въ Александринскомъ театрѣ, гдѣ, между прочимъ, имѣлъ мѣсто слѣдующій

случай: между зрителями пронесся слухъ, что одинъ пожилой купецъ, сидѣвшій въ мѣстахъ за креслами былъ свидѣтелемъ происшествія у воротъ Лѣтняго сада: тогда во время одного изъ антрактовъ, толпа зрителей собралась около купца, а прочая публика потребовала, чтобъ онъ подошелъ къ оркестру и разскажалъ то, чему былъ свидѣтелемъ.

Купецъ, окруженный толпою сталъ разсказывать; между тѣмъ къ слушателямъ залы присоединились слушатели сцены: занавѣсъ поднялась и густая толпа актеровъ, актрисъ костюмированныхъ и въ обыкновенныхъ нарядахъ, бутафоровъ, плотниковъ, словомъ толпа самая пестрая, самая разнообразная собралась у рампы снѣсь уловить хоть слово изъ разсказа купца.

Вся зала потрясалась отъ громоноснаго ура: увидавъ Государя, который появился въ театрѣ на короткое время.

О. П. Комисарова носила на рукахъ кругомъ залы при громкихъ крикахъ.

Спектакль начался только около 9 часовъ. Въ Миханловскомъ театрѣ полнымъ составомъ рус-

ской оперной труппы съ участіемъ французскихъ артистовъ и артистокъ исполненъ былъ народный гимнъ порусски, и кромѣ того, актеръ Люге пропѣлъ куплеты, написанные на настоящій случай извѣстной драматической артисткой Вольнисъ. Профессоры Петербургскаго университета, кромѣ заявленія своей радости Государю опредѣлили ознаменовать день спасенія Государя Императора отъ угрожаемой ему опасности составленіемъ капиталъ для устройства сельскаго училища въ Костромской губерніи, на мѣсть родины того, кто отвелъ руку угрожаемую жизни Государя. Петербургскіе обыватели открыли подписку на приобрѣтеніе дома на имя Осипа Ивановича Комиссарова. Нѣсколько изъ Петербургскихъ дворянъ поднесли ему кто 200 кто 300 десятинъ въ разныхъ губерціяхъ (*) Военное Министерство открыло подписку въ пользу его, собрано до сихъ поръ (10-е Апрѣля) около 10,000 р. с.

Когда О.И. Комиссаровъ снималъ свой портретъ

(*) Костромской землевладѣлецъ, сосѣдь О. И. Комиссарова по деревнѣ поднесъ ему въ даръ 780 дес. земли.

въ фотографіи, Левицкаго преемниковъ толпы народа ожидали его выхода, по выходѣ толпа окружила спасителя Государя, едва дала ему сѣсть на дрожки, повисла на колесахъ и громкими криками ура радостно и восторжено провожала его по всему Невскому Проспекту.

Но почти нѣтъ возможности уловить всѣ выраженія фпзіономіи этого дня: онъ такъ разнообразно-полонъ, такъ знаменательно великъ, что сколько бы мы ни собрали подробностей его выраженія, они не будутъ въ силахъ передать его глубокаго, народнаго значенія.

Мы уже привели нѣсколько очерковъ характера 5-го апрѣля въ Москвѣ, добавимъ ихъ по возможности нѣкоторыми чертами.

Московскій трактиръ, послѣ молебна на плацу, служилъ однимъ изъ оживительныхъ пунктовъ, въ которомъ сошлись русскіе люди выпить чарку вина за здоровье своего Государя—Отца, помѣщавшіеся въ немъ чрезъ открытые окна соединялись съ волновавшеюся толпою на площади, предъ часовней иконы Иверскія Богоматери и присутственными мѣстами, оркестріонъ трак-

тира неумолкаемо игралъ народный гимнъ и крики почитателей, русское ура соединилось съ криками толпы... Кто-то изъ почитателей трактира бросилъ пятирублевый, кредитный билетъ.. «Выпейте за здоровье Государя! сказано было при этомъ, но толпа поднявъ бумажку отправилась къ часовнѣ и кто могъ вмѣститься въ часовню и около ея, молился за Царя... Просили молебна на площади, но онъ готовился въ большихъ размѣрахъ на исторической красной площади и состоялся въ субботу 9-го апрѣля... Мы говоримъ о немъ ниже. Народу было выслано нѣсколько бочекъ вина и безъ всякихъ безпорядковъ, чинно и дружно было выпито за здоровье Государя.

Дворъ стараго зданія Университета представлялъ также одно изъ торжественныхъ зрѣлищъ, которыя смѣнялись одно другимъ какъ въ огромномъ стереоскопѣ въ этотъ день на всей Руси; студенты, призванные въ актовъ залъ, по 20 человекъ отъ каждаго факультета, выслушавъ благодарность Государя, переданную профессорами Университета и имъ г. попечителемъ учеб-

наго округа, громкими криками ура, выразили свой отвѣтъ на это высокое вниманіе и, вслѣдъ за этимъ, раздалось пѣніе ими народнаго гимна, — другіе товарищи ихъ, ожидавшіе выхода призванныхъ на дворъ, подхватили этотъ гимнъ и, такимъ образомъ, толпа студентовъ вышла на улицу, сопровождаемая народомъ съ открытыми головами, она перешла къ часовнѣ Иверской Богоматери, гдѣ былъ отслуженъ молебенъ и потомъ прошла Александровскимъ садомъ при громкихъ крикахъ народа. 6-го апрѣля былъ очередной обѣдъ въ Московскомъ англійскомъ клубѣ. Опъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и праздничнымъ обѣдомъ за спасеніе Государя. Тостъ за здоровье Его Величества былъ принятъ съ неописаннымъ энтузіазмомъ. Оркестру почти ничего другаго не позволяли играть, кромѣ Боже Царя храни. Баллотировкой, послѣ обѣда, Осипъ Ивановичъ Комиссаровъ избранъ въ почетные члены клуба.

Офицеры и нижніе чины 2-го гренадерскаго и Ростовскаго принца Фридриха Нидерландскаго полка, 5-го сего апрѣля, по совершеніи въ

Спасскихъ казармахъ благодарственнаго молебствія за спасеніе Россіи отъ грозившей ей опасности, единодушно, на мѣстѣ молебствія, пожертвовали 140 руб. 43 коп. для устройства въ полковой Св. Троицкой церкви образа Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невского и неугасимой къ нему лампы за здравіе безпредѣльно-любимаго Монарха.

Французы, живущіе въ Москвѣ поднесли Государю чрезъ Московскаго генераль-губернатора свой привѣтственный адресъ.

Императорское Московское Общество Сельскаго Хозяйства, въ засѣданіи своемъ 7-го апрѣля, единодушно избрало Осипа Ивановича Комисарова въ свои почетные члены и учредило въ честь его имени двѣ стипендіи—одну для образованія въ школѣ общества одного воспитанника изъ крестьянъ Костромской губерніи, предоставляя распоряженіе этою стипендіею роду дворянъ Комисаровыхъ, и самую стипендію положило назвать Комисаровской, другую въ память избавленія Россіи 4-го апрѣля отъ угрожавшей ей опасности. Кромѣ того положено пріобрѣсти

портретъ Осипа Ивановича Комисарова, для помѣщенія въ залъ засѣданія общества.

Въ пятницу 8-го апрѣля было молебствіе въ залъ Московской купеческой биржи, въ Гостинномъ дворѣ и въ Московскихъ торговыхъ рядахъ. Послѣ молебна народный гимнъ голосовъ присутствовавшихъ слился съ хоромъ пѣвчихъ, явился оркестръ полковой музыки и, такимъ образомъ, само собою составившаяся процессія обходила всѣ ряды. Въ этотъ же день на обыкновенномъ рублевомъ обѣдѣ Московскаго купеческаго собранія, который вѣроятно стоилъ въ четверо, при звукахъ народнаго гимна, который подъ звуки оркестра и пѣнія большей части присутствовавшихъ, смѣшивался съ перекатывавшимся изъ одной залы въ другую громкимъ «ура» предложена и состоялась стипендія собранія (6000 руб. сер.) въ честь Осипа Ивановича Комисарова на двухъ воспитанниковъ въ Костромской губернской гимназій. Осипъ Ивановичъ Комисаровъ избранъ въ почетные члены собранія. Общество было такъ настроено, что и тутъ, какъ въ театрѣ не могли слышать, что либо напоминающее Польшу

и Польское, и когда оркестръ случайно заигралъ «польку» — общее шиканье и крики «не надо, не надо—русскую», и кромѣ гимна была сыграна только «камаринская» Глинки и нѣсколько мотивовъ изъ оперы «Жизнь за Царя».

Дѣйствительно неизмѣримо велики послѣдствія 4-го апрѣля—этотъ день открылъ предъ глазами всѣ тайники русской мысли; онъ показалъ намъ полную, возмужалую зрѣлость нашего національнаго чувства, онъ далъ намъ уразумѣть самихъ себя.

Ярко выдалось и 8-е, опять четное число (которое особенно любитъ русскій народъ) апрѣля, въ этотъ день хотя и не вполне, но все таки разрѣшились нетерпѣливыя ожиданія всего русскаго общества, пали всѣ мучительныя сомнѣнія его, которое крѣпко вѣритъ въ смыслъ пословицы—«Гласъ народа—гласъ Божій». Народъ угадалъ ненавистное для всей Россіи происхожденіе злодѣя: онъ по всѣмъ признакамъ—полякъ. «Московскія Вѣдомости» помѣстили его имя — Ольшевскій!

Слава Богу — неосквернено Русское имя.

Повторяли всѣ въ одинъ голосъ. Чисто русское слово: нѣтъ въ немъ звука для выраженія имени подобнаго злодѣя.

Суббота 9-го и воскресенье 10-го апрѣля были днями послѣднихъ предѣловъ, широкаго разлива выраженія народнаго чувства, днями пароднаго схода и пародной думы, давно небывалыя молебствія на красной площади, въ Кремлѣ, въ полномъ смыслѣ слова наводнили ихъ народомъ, захлестнули ихъ обширныя пространства; въ воскресенье надо всѣмъ особенно преобладалъ т. н. черный, фабричный, сельскій народъ, стекшійся съ фабрикъ, изъ сосѣднихъ селъ и деревень, съ базаровъ, на которыхъ въ это время оставались только одни сторожевые. Здѣсь, въ отдѣльныхъ кружкахъ, въ соединеніи городского съ сельскимъ соединялись и высказывались мнѣнія о событіи 4-го апрѣля.

Въ воскресенье 10-го, намъ особенно много пришлось подслушать ихъ: соборы были полны—народъ не могъ вмѣститься, ни въ соборахъ, ни въ монастыряхъ, а потому и было время умомъ раскинуть, поговорить о событіяхъ, объ

этихъ знаменательныхъ дняхъ, которые шли передъ всѣхъ глазами.

— Ну, а слышали ли ребята какъ они все это хитро на нашего брата русскаго опрокинуть хотѣли? спрашивалъ другой изъ толпы.

— Какъ это такъ ухищрялися? спросили иѣ-которые.

— Да въ тѣже великіе дни, къ вечеру пускали и тамъ и сямъ въ Петербургъ слухъ, что вишь де — это помѣщики на царя народъ подняли, что де будто за землю, что вишь и покуситель-то крестьянинъ изъ южныхъ губерній Алексѣй Петровъ, что и собравшемуся народу то будто вымолвилъ, что молъ за васъ братцы.

— Ну, да разводи бобы-то, мы вотъ такъ, взяли да и повѣрили—ловко больно!

— Сквернѣе только имя-то Божіе, угодникъ огнемъ бы опалилъ ихъ, какъ французовъ въ двѣнадцатый какъ сюда вотъ въ Кремль сунулись.

— Дворяне! Ни въ жизнь не повѣримъ, чтобъ русскій человѣкъ, кто бы онъ не былъ на такое

дѣло пошолъ. Дураковъ что ли насъ нашли, что бы мы имъ врагамъ повѣрили...

Такой и подобный говоръ былъ только въ немногимъ кучкахъ—толпа же стояла безмолвно, проникнутая однимъ господствующимъ чувствомъ — молитвой за царя, и дѣйствительно—ничто, не можетъ нарушить этого могучаго чувства въ настоящее время, ни предъ чѣмъ не склоняется оно, ничего не хочетъ слышать. Когда уже послѣ обѣда въ Московскомъ Купеческомъ собраніи, кто-то предложилъ тостъ за здоровье О. И. Комисарова—тостъ не былъ принятъ: не нарушайте единства отвѣчало большинство, мы хотимъ пить теперь за одно драгоценное здоровье—здоровье Государя... въ свое же время мы почествуемъ и Осипа Ивановича—и пообѣдаемъ и выпьемъ за его здоровье, нынче же въ честь его спасенія, здоровье за Государя, за одного Государя! Оно и въ молитвѣ, оно и въ народномъ торжествѣ.

Красная площадь въ эти дни представляла небывалый торжественный, парадно-праздничный, русско-характерный видъ: въ субботу отъ цер-

кви Васи́лія Блаже́ннаго до Воскресе́нскихъ во-
ро́тъ все было за́полнено наро́домъ; надо ви-
дѣть когда вся эта масса во время молебна
стала на колѣна... трудно передать это впе-
чатлѣніе — русская фотогра́фія снимала эту
мину́ту въ нѣско́лько аппара́товъ, не знаемъ,
удалось ли передать хотя что нибудь близкое:
это было невиданное зрѣлище *). Сообразно
времени дня площадь мѣняла свой видъ: сей-
часъ же послѣ молебна она огласилась звуками
народнаго гимна и громогласными криками ура,
потресшими площадь изъ конца въ конецъ, вско-
рѣ на Ильинкѣ явился портретъ Государа предъ
которымъ вся улица упала на колѣни, портретъ
появился и на площади, его утвердили на па-
мятникѣ Минина и Пожарскаго и появленія его
вновь вызвало громогласное ура въ разныхъ
пунктахъ, между тѣмъ, купцы и лица другихъ
званій одѣляли народъ чаркою вина, калачами,
пеклеванымъ хлѣбомъ и яблоками, все это ле-

*) Желающіе получить эти снимки могутъ адресоваться къ
А. и Ф. Ушаковымъ, въ Москву, на Волхонкѣ, д. Михалковой.

тѣло на народъ съ крышъ балагановъ, около стѣпъ Кремля и изъ оконъ надъ рядами, памъ передавали, что такимъ же образомъ купцы бросали въ народъ шапки, кушаки деньги т. п. явилась бочка съ виномъ и надписью надъ нею, за здаровье Государя. Волновалась площадь изъ края въ край и что ни шагъ, то картина — картина русская, народная. До поздней ночи не сходилъ народъ площади, до поздней ночи неумолкало торжество.

Въ воскресенье новыя толпы на площади, толпы въ Кремль, толпы въ соборахъ, новый еще болъшій приливъ народа, кромѣ городскихъ изъ ближнихъ деревень, прохожаго, съ котомками, въ лаптяхъ, прѣхавшихъ, на рынки, на базары... Въ этотъ день крестьяне освѣщали образъ для поднесенія Государю. Освѣщеніе и молебствіе происходило въ Кремль, предъ старымъ дворцомъ. Народъ, въ огромной массѣ, собрался также у Лобнаго мѣста, гдѣ прежде предполагалось освѣщеніе, колокольня Ивана Великаго, ближнія башни, крыши рядскихъ зданій, — все было покрыто, устлано, народомъ. Послѣ освѣще-

нія. образъ съ крестнымъ ходомъ съ хоругвями, въ сопровожденіи громадной, всѣ улицы наводнившей толпы, была отнесена, къ генераль-губернатору... Въ это время, въ этотъ же часъ совершалось другое же подобное движеніе, — движеніе въ другомъ классѣ, въ другомъ обществѣ: въ залѣ благороднаго собранія шелъ концертъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ Московскаго Университета, концертъ съ новой увертюрой А. Рубенштейна, во имя 4-го апрѣля, съ участіемъ лучшихъ артистовъ, съ нѣскольکو разъ повтореннымъ народнымъ гимномъ, съ хоромъ студентовъ, исполнявшими гимнъ, съ такими же единодушными криками ура, какъ и на площади въ народѣ... Но знаменательно соединеніе общества студентовъ съ народомъ, знаменательно, что послѣ концерта, посѣтивъ свой alma-mater — Университетъ, огласивъ его неоднократно пѣніемъ народнаго гимна и громогласнымъ «ура» студенты пошли по той же дорогѣ, которой только что прошелъ народъ — къ дому губернатора, гдѣ съ открытыми головами, нѣскольکو разъ былъ пропѣтъ ими народный гимнъ, повторяю-

щійся теперь всюду на тысячу голосовъ. Въ этомъ совпаденіи, въ этомъ единомысліи, въ этой торжественности всѣхъ сословій, всѣхъ націй, обитающихъ Россію, разныхъ степеней развитія, отбѣлковъ миѣній, высоты общественныхъ ступеней, поглащенныхъ однимъ — русскою національностью, ея полнымъ торжествомъ, силою народнаго чувства, съ безчетно повторенною молитвою за Царя, на страхъ врагамъ, молитвою за Его царствованіе на славу, болѣе всего великое всенародное значеніе 4-го апрѣля на Руси... Но не прекращается этими днями торжество, оно продолжается съ прежней силой и трудно представить себѣ, что увидитъ Москва по прибытіи Государя, Котораго она ждетъ со дня на день... Значеніе историческаго времени получить еще большую силу, болѣе обширный смыслъ!

Общество съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ ждетъ раскрытія слѣдствія; предсѣдателемъ его назначенъ М. Н. Муравьевъ. Петербургская Дума, во имя всей Россіи, проситъ гласнаго суда надъ вѣстунникомъ.

Въ отдѣльномъ изданіи, мы не замедлимъ извѣстить о его результатахъ.

Кончаемъ эту брошюру заключительными строками стихотворенія А. Н. Майкова, прочитанными имъ со сценъ обоихъ театровъ въ Петербургѣ и вызвавшими и громъ и бурю рукоплесканій и криковъ восторга, съ которыми переживаетъ русскій народъ рядъ этихъ знаменательныхъ дней (*).

„Сомкнемся жъ вокругъ Царя, съ довѣріемъ другъ
къ другу,
И взглянемъ смѣло вдалѣ, чтобъ дружный дать,
отпоръ,
И ковамъ недруговъ въ насъ стѣющихъ раздоръ,
И всякому наносному недугу!
Да узрѣтъ старый міръ, возросшій лишь въ крови,
Что къ жизни насъ призвавшая свобода
Была не гибелью для русскаго народа,
А свѣтомъ истины и царствіемъ любви!“

Москва
10-е апрѣля
1866.

(*) При этомъ мы считаемъ не лишнимъ помѣстить полное описаніе торжества студентовъ, о которыхъ мы говорили выше. Описаніе это помѣщено въ Моск. Вѣд. за 12. Апрѣля.

Въ часъ по полудни долженъ былъ начаться второй концертъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ. Предполагалось начать его увертюрою Мейерберга изъ оперы *Струэнзе*. Распорядители нашли болѣе умістнымъ замѣнить эту увертюру другою, сочиненную г-мъ А. Рубинштейномъ (посвященною Государю Императору), въ которой основнымъ мотивомъ послужилъ русскій народный гимнъ. Но прежде чѣмъ оркестръ приступилъ къ исполненію, всѣ бывшіе въ залѣ студенты собрались на эстраду, объявили, что желаютъ начать концертъ народнымъ гимномъ, и просили Н. Г. Рубинштейна, своего бывшего товарища по университету, дирижировать хоромъ. Едва этотъ импровизированный хоръ началъ пѣть, какъ бѣольшая часть присутствовавшихъ, внизу и на хорахъ, присоединили къ нему свои голоса и въ цѣлой залѣ раздалась одна общая, единодушная, глубоко-искренняя молитва: „Боже Царя храни!“

Народный гимнъ былъ повторенъ несчетное число разъ. Наконецъ г. Оле-Буль началъ играть *Pottage à Moscou*, піесу нарочно имъ написанную для этого концерта. Послѣ нѣсколькихъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, раздался снова мотивъ народнаго гимна, и собравшіеся на эстраду студенты снова запѣли его хоромъ и всѣ присутствовавшіе снова присоединились къ нимъ.

Концертъ кончился, виртуозы и пѣвицы умолкли. „Къ Иверской!“ крикнули студенты и мигомъ понеслась молодежь служить молебенъ о здравіи Государя: значительная часть посѣтителей концерта, увлеченные примѣромъ, спѣвши за студентами. Вѣсть съ ними, охотно слѣдуя ихъ

приглашенію, отправился и престарѣлый Оле-Буль, поддерживаемый двумя изъ нихъ. Гг. Финюки, Дооръ и многіе изъ членовъ оркестра приняли также участіе въ этомъ шествіи. На улицахъ, проходящіе снимали шляпы: никто не спрашиваяъ куда и зачѣмъ идетъ толпа; всѣ знали, что у всѣхъ одно на умѣ, одно на сердцѣ. Много народа присоединилось къ шествію, предводимому студентами.

Проходя чрезъ Охотный рядъ, г. Оле-Буль предложилъ всенародно пропѣть: *Боже, Царя храни*. Эта мысль подхвачена съ восторгомъ; близъ церкви Св. Параскевы начатъ народный гимнъ и пѣли его вплоть до часовни; Н. Г. Рубинштейнъ дирижировалъ хоромъ. У Иверской, студенты, въ срединѣ коихъ были и многіе давно уже вышедшіе изъ университета, какъ К. А. Тарновскій, П. Г. Рубинштейнъ и нѣсколько профессоровъ, отслужили молебенъ подъ открытымъ небомъ: икона Богородицы, именно въ эту самую минуту подвезенная къ часовнѣ, была вынесена изъ кареты на наружную площадку часовни и оставалась на этой площадкѣ во все время молебнаго пѣнія, видимая тысячамъ молившагося народа. Хоръ студентовъ исполнялъ обязанность пѣвчихъ. По окончаніи молебна и внесеніи иконы во внутренность часовни, снова раздались, подъ управленіемъ Н. Г. Рубинштейна, звуки народнаго гимна. Близокъ былъ Палладій русскаго патріотизма, монументъ Мясина и Пожарскаго, около котораго еще толпились массы народа послѣ всенароднаго, бывшаго утромъ молебствія. Здѣсь студенты еще разъ пропѣли *Боже Царя храни*. Климаяъ ура, заключившимъ собой пѣніе, не было конца

„Къ дворцу, господа, къ дворцу!“ раздались голоса распорядителей, и вся толпа двинулась густою массой, къ Спасскимъ воротамъ. Скоро они были запружены народомъ. Но вотъ послышалось: „стой“ и „смирно“. Студенты запѣли тропарь: *Спаси, Господи, люди Твоя*, столь приличествовавший и минутъ и мѣсту. Отъ Спасскихъ воротъ шествіе направилось къ кремлевскимъ соборамъ и остановилось передъ Краснымъ Крыльцомъ. На исторической площади Русскаго государства раздался народный гимнъ хоромъ въ тысячу голосовъ. Гауптвахта взяла на караулъ; въ эту торжественную минуту одушевленіе возрасло до такой степени, что слезы восторга видѣлись на лицахъ большей части исполнителей. Изъ народа послышалось: „Ура, студенты!“ и на это привѣтствіе нашелся ловкій отвѣтъ. „Ура, Комисаровы!“ крикнули студенты окружавшимъ ихъ людямъ простаго народа. Когда народный гимнъ былъ повторенъ еще разъ, раздались голоса въ народѣ: „господа студенты! пойдите къ балкону, къ царскимъ покоемъ“, и вся толпа передвинулась къ другому фасаду дворца и тамъ два раза пропѣла тотъ же народный гимнъ. Изъ Кремля авангардъ студентовъ направился, черезъ Троицкія ворота, къ новому зданію университета; народъ слѣдовалъ за ними и толпа росла на каждомъ шагѣ. Между тѣмъ какъ громадный хоръ, занявъ собой дворъ новаго университетскаго зданія, устраивался, два студента были посланы въ квартиру ректора съ просьбой, чтобъ онъ прибылъ къ собравшимся, и прочелъ имъ всеподданнѣйшее поздравленіе Государю Императору, посланное Московскимъ университетомъ по телеграфу, и

отвѣтныя слова Его Величества: все это студенты уже слышали вчера, но желали еще разъ слышать. Пока С. И. Баршевъ успѣлъ прибыть въ новое университетское зданіе, находящееся въ значительномъ разстояніи отъ ректорскаго дома, народный гимнъ былъ уже исполненъ два раза, и вторично раздалось *ура*. Появленіе ректора усилило эти крики. Когда сопровождаемый студентами, онъ вошелъ на крыльцо, всѣ сошли съ крыльца и обнажили головы. Ректоръ передалъ слова университетской телеграммы и сказалъ, что поздравленіе, посланное къ Государю отъ имени профессоровъ и студентовъ Московскаго университета, благосклонно принято обожаемымъ Монархомъ „Передаю вамъ это радостное извѣстіе. Ура!“ *Ура* и гимнъ были отвѣтомъ. Растроганный ректоръ сказалъ тогда: „Въ теченіи всей долгодѣтельной моей дѣятельности, всего моего усерднаго служенія Московскому университету, мн. гг., въ особенности же съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ честь получить званіе ректора, я старался неусыпно и желалъ пламенно чтобы нашъ университетъ былъ вполне русскимъ университетомъ, чтобы всѣ въ немъ, отъ мала до велика, были проникнуты теплымъ чувствомъ нѣжнѣйшей любви къ Россіи и къ Монарху, и я счастливъ вполне счастливъ, что дожидая до радостной минуты, доказывающей осуществленіе завѣтнаго моего желанія“. Эти слова привели студентовъ въ неописанный восторгъ. Ректора подняли на руки и понесли на дворъ стараго университета. По прибытіи туда, вынесли, съ позволенія ректора, изъ залы университетскаго правленія большой портретъ Государа Импера-

тора. и поставивъ на университетское крыльцо, передъ нимъ пропѣли *Боже Царя Храни*.

Тутъ народа было уже столько, что не только вся площадь передъ университетомъ, но и Моховая, и Никитская были запружены до того, что ѣзда прекратилась.

Оттуда студенты пошли, въ стройномъ порядкѣ, по три въ рядъ, окруженные ликующимъ народомъ безъ шапокъ, къ кн. В. А. Долгорукову. Передъ домомъ его крикнули *ура*, пропѣли гимнъ. Дирижировали хоромъ г. Доръ и К. А. Тарновскій. Князь вышелъ на крыльцо и обѣщая довести до высочайшаго свѣдѣнія объ этомъ трогательномъ выраженіи вѣрноподданныхъ чувствъ, благодарилъ за доставленіе ему случая быть очевидцемъ видѣннаго.

Съ Тверской площади, шествіе двинулось къ дому университетской типографіи. Здѣсь народный гимнъ былъ пропѣтъ шесть разъ...

Утромъ многіе студенты прибыли въ залу Собранія за нѣсколько времени предъ начатіемъ концерта, для репетицій и разныхъ распоряженій. Все время съ ранняго утра до 7 часовъ вечера, они провели на ногахъ, безъ пищи.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Адресы и телеграммы Государю Императору и Министру внутреннихъ дѣлъ разныхъ лицъ и обществъ, по поводу событія 4-го апрѣля.

Главное, яркое и свѣтлое въ событіи 4-го апрѣля и всеобщемъ сочувствіи къ Государю и къ русской національности этимъ днемъ вызванномъ—факты, которые мы старались здѣсь собрать и привести, послѣ нихъ, на первомъ мѣстѣ, стоятъ тѣ задушевные слова, тѣ короткія рѣчи, которыми разные слои общества старались выразить свое душевное настроеніе, свое участіе къ Государю, свою любовь, печаль и радость и преданность, которая звучитъ во всѣхъ депешахъ и адресахъ и потому мы приводимъ изъ нихъ, нѣкоторые изъ разныхъ мѣстъ, чтобъ сколько нибудь характеризовать всеобщее настроеніе Россіи въ настоящее время.

1) Депеша Московскаго Генераль Губернатора.

«Глубоко пораженные извѣстіемъ о покушеніи на Священную Особу Вашего Императорскаго Величества, жители Москвы, вмѣстѣ со мною, принесли благодарственныя мольбы Всевышнему за спасеніе драгоцѣнной жизни Вашего Величества, поспѣшаютъ повергнуть къ стопамъ Вашимъ, Всемилостивѣйшій Государь, вѣрноподданическое поздравленіе съ избавленіемъ отъ опасности и возсылаютъ горячія молитвы къ Богу о сохраненіи дней Вашихъ.

«Послѣ священподѣйствія въ Чудовомъ монастырѣ, у мощей Святителя Алексія, молебствіе совершенно было всенародно въ Кремль.»

Государь Императоръ отвѣчалъ.

«Отъ души благодарю за чувства преданности. Глубоко ими тронутъ».

«АЛЕКСАНДРЪ.»

2) Депеша Московскаго Университета.

Всемилостивѣйшій Государь!

«Московскій университетъ, профессора и студенты, изливши благодарность Богу въ молитвѣ

за сохраненіе драгоцѣнной для Россіи жизни Вашего Императорскаго Величества, слѣшать повергнуть къ священнымъ стопамъ Вашимъ чувство безграничной радости объ избавленіи Вашего Величества отъ угрожавшей опасности.» Въ то же время члены совѣта единодушно изъявили желаніе, для выраженія видимымъ образомъ своей благодарности Богу, устроить, на добровольныхъ приношеніяхъ профессоровъ и студентовъ, въ университетской церкви неугасимую лампаду къ образу святаго благовѣрнаго князя Александра Невского.

3) Депеша Московской Городской Общей Думы.

«Всемилюемый Государь!

«Ужасъ объялъ твою вѣрноподданную Москву при страшной вѣсти о покушеніи на драгоцѣнную жизнь твою.

«Горячая молитва вознеслась къ Всевышнему, сохранившему тебя и недопустившему на землѣ Русской совершиться цареубійству.

«Злодѣй намъ еще неизвѣстенъ; но кто бы онъ ни былъ, мы не признаемъ его за русскаго.

Русскій отвелъ направленный на тебя ударъ. Благословляемъ руку, избранную Провидѣніемъ для спасенія твоей жизни и въ ней всѣхъ надеждъ Россіи.

«Да хранитъ Всевышній тебя, возлюбленный Монархъ, на многія лѣта!»

Отъ С.-Петербургскихъ ямщиковъ и государственныхъ крестьянъ С.-Петербургскаго уѣзда Московской волости.

Вздогнули сердца наши и ужасъ сильно поразилъ, когда слышали мы вѣсть, что Царю великой Россіи замышлено было нанести ударъ, исполненный злодѣемъ въ примѣръ сребролюбца. Народну казнь онъ заслужилъ. Спаси намъ, Царь небесный, Царя законнаго и Царскій Домъ, о Господи! къ Тебѣ молитву возсылаемъ! Злодѣю же достойна казнь довлѣетъ. Услышавъ, что Провидѣніе Бога спасло любимаго Царя нашего Александра Николаевича, нынѣ же въ волостномъ правленіи предъ иконою святаго благовѣрнаго

великаго князя Александра Невскаго отслуживъ благодарственный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ, веселясь душевно о спасеніе Царя, поздравляемъ Его хлѣбомъ и солью въ здравіи и невредимости оставшагося по Провидѣнію отъ злодѣя, и молимъ Спасителя, да ниспошлетъ Ему силу и крѣпость перенести панесенное столь великое огорченіе.

Волостной голова Иванъ Михайловъ, волостной застѣдатель Василій Летинъ, добросовѣстный Яковъ Войтовъ, старосты и выборные: Сергѣй Камчатовъ, Василій Сергѣевъ, Яковъ Александровъ, Андрей Волюнкинъ, Ѳедоръ Березинъ, Семенъ Яковлевъ, Александръ Волюнкинъ, Иванъ Алексѣевъ.

Отъ торювцевъ Семеновскаго плаца въ С.-Петербургу.

Ваше Императорское Величество Великій Государь!

Драгоцѣнная жизнь Твоя была въ опасности, но Господь чудесно сохранилъ Тебя, Отца На-

шего, для будущей славы Россіи и блага Твоихъ вѣрноподданныхъ.

Облагодѣтельственные Тобою, торговцы Семеновскаго плаца спѣшатъ заявить Тебѣ, Государь, вѣрноподданинскія свои чувства безпредѣльной любви и преданности и молятъ Бога о Твоемъ здравіи и долгоденствіи.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданные.

Депутаты: Амплій Стросевъ, Дмитрій Ивановъ, Павелъ Куликовъ, Ефимъ Ивановъ, Василій Михѣевъ, Иванъ Львовъ, Дмитрій Таракановъ.

*Отъ общества поощренія и покровительства
частному служебному труду.*

ВАШЕ Императорское Величество Августей-
шій Монархъ!

Жизнь Твоя, Государь, драгоцѣнная для Россіи и всѣхъ вѣрноподданныхъ Твоихъ, была въ опасности, но Богъ вразумившій Сусанна спасти предка твоего отъ покушенія поляковъ, и

пынѣ, рукою костромскаго крестьянина, чудесно сохранилъ Тебя, освободившаго крестьянѣ.

Истинно преданное Тебѣ, Великій Государь, общество поощренія и покровительства частному служебному труду, спѣшитъ заявить свои вѣрно-подданинскія чувства и молитъ Бога о низпосланіи Тебѣ здравія и долгоденствія, на славу и величіе Россіи.

Вашего Императорскаго Величества вѣрно-подданные.

Депутаты общества: свободный художникъ Дмитрій Карташевъ, отставной коллежскій регистраторъ Александръ Симченко, С.-Петербургскій купецъ 2-й гильдіи Лаврентій Соловьевъ, купеческій сынъ Василій Лядовъ.

Телеграммы изъ Чернигова, отъ 5-го апрѣля.

I.

Государю Императору.

Благодаримъ Всевышняго Создателя за сохраненіе Твоихъ драгоцѣнныхъ дней. Словами не выразить намъ своего на злодѣя негодованія.

Черниговскій градскій голова Яковъ Александровъ Селюкъ и все черниговское городское общество.

II.

Государю Императору.

Съ сердцемъ, исполненнымъ безпредѣльной благодарности Провидѣнію, сохранившему Твою жизнь, дорогую для всякаго русскаго, посылаемъ Тебѣ увѣреніе въ искренней нашей любви и преданности и молимъ Всевышняго о продленіи священныхъ Твоихъ дней.

Предсѣдатель черниговской губернской земской управы Константинъ Перицина и члены.

III.

Министру внутреннихъ дѣлъ.

Здѣшніе жители, неописанно негодуя на злодѣя, посягнувшаго на жизнь Царя, обращаются ко мнѣ, прося свѣдѣнія о здоровьи Ихъ Величествъ. Смѣю просить этихъ свѣдѣній въ воспо-

коепіе искренно высказавшагося вѣрноподанническаго чувства.

Голицынъ.

Телеграмма изъ Уфы, отъ 5-го апрѣля.

Всеавгустѣйшій Монархъ.

Сейчасъ дошла до насъ ужасная вѣсть о злодѣйскомъ покушеніи на столь драгоценную нашему величеству жизнь Твою, Государь, посвящающій себя счастью, благу Россіи. Вознеся теплое благодареніе Творцу о спасеніи Царя Освободителя, о Коемъ непрестанно молятся милліоны сердець, уфимское городское общество дерзаетъ повергнуть къ стопамъ Твоимъ глубокую свою радость о милости Провидѣнія и вѣрноподданническое желаніе о продолженіи дорогой всѣмъ намъ жизни Твоей, Отець отечества!

Городской голова Поповъ.

*Телеграма изъ Екатеринославля, отъ 5-го
апрѣля.*

Его Императорскому Величеству Всемило-
стивѣйшему Государю.

Дворянство Екатеринославской губерніи сію
минуту возноситъ свою молитву Господу Богу за
спасеніе драгоцѣнной для всей Россіи жизни Ва-
шего Императорскаго Величества, негодую на
крамольниковъ. Счастіе имѣемъ вѣрноподдани-
чески поздравить Ваше Величество и пожелать
долгоденствія.

Екатеринославскій губернскій предводитель
дворянства генералъ-маіоръ Струковъ.

*Телеграма изъ Новгорода, отъ 5-го
апрѣля.*

Министру внутреннихъ дѣлъ.

Всѣ сословія Новгородской губерніи поражены
ужасомъ, получивъ извѣстіе о злодѣйскомъ по-

сягательствѣ на драгоцѣнные дни Государя Императора, Освободителя и Благодѣтеля Россіи. Возвратясь изъ собора, гдѣ всѣ сословія принесли Всевышнему самыя теплыя, искреннія благодарственныя молитвы за сохраненіе жизни обожаемаго Монарха, они просятъ повергнуть вѣрноподданическія чувства ихъ Его Императорскому Величеству и почтить сегодня извѣщеніемъ о состояніи здоровья Государя Императора.

Аполлосъ, епископъ ладожскій, губернаторъ Лерхе, начальникъ 22-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенантъ Шериваль 1-й, за губернскаго предводителя Малевичъ, предсѣдатель губернской земской управы Калачовъ, градской голова Зиминъ.

*Телеграма изъ Петрозаводска, отъ 5-го
апрѣля.*

Министру внутреннихъ дѣлъ.

Принося теплую благодарственную молитву Господу о спасеніи драгоцѣнной для Россіи жиз-

ни Государя Императора, жители г. Петрозаводска просятъ повергнуть къ стопамъ Его Величества благовѣйную и безпредѣльную ихъ преданность и выразить чувства глубокаго негодованія къ злодѣю, посягнувшему на жизнь Отца Государя, и надѣясь, что онъ не принадлежитъ къ семьѣ русской, едиподушно просятъ свѣдѣнія о здоровьи Его Величества.

Губернаторъ Арсеньевъ, горный начальникъ генералъ маіоръ Фелькнеръ, вице-губернаторъ В. Превлоцкій, управляющій палатою государственныхъ имуществъ Мальте, предсѣдатель казенно палаты Кидошенковъ, управляющій контрольною палатою Петровъ, воинскій начальникъ полковникъ баронъ Будбергъ, директоръ училищъ В. Елецкій, городской голова Гаврило Ситниковъ.

Телеграма изъ Казани, отъ 5-го апрѣля.

Министру внутреннихъ дѣлъ.

Дворянство Казанской губерніи, благодаря Всевышняго о чудесномъ спасеніи драгоцѣнныхъ

дней обожаемаго Монарха, просить повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества чувства безпредѣльной своей предапости.

Губернскій предводитель Осокинъ.

Телеграмма изъ Оренбурга, отъ 5-го апрѣля.

Министру внутреннихъ дѣлъ.

Спѣшимъ всѣ въ церкви благодарить Всевышняго за спасеніе дней, столь драгоцѣнныхъ для Россіи.

Губернаторъ Крыжаповскій.

Телеграма изъ Тулы, отъ 5-го апрѣля.

Министру внутреннихъ дѣлъ.

Телеграмму вашу получилъ сегодня въ 9 часовъ утра. Спѣшимъ совершить благодарственное молебствіе о сохраненіи драгоцѣнныхъ дней Государя нашего.

Губернаторъ Шидловскій.

Телеграммы изъ Полтавы, отъ 5-го апрѣля:

I

Министру внутреннихъ дѣлъ.

Получивъ телеграмму, спѣшимъ въ церковь для принесенія благодарности Всевышнему за сохраненіе драгоцѣнныхъ дней обожаемаго Государя Императора. Просимъ повергнуть къ стопамъ Его Величества чувства вѣрноподающей преданности и любви дворянства и всѣхъ сословій и сообщить намъ свѣдѣнія о драгоцѣнномъ здоровіи Его Величества.

Мартыновъ.

Князь Долгоруковъ.

II

Министру внутреннихъ дѣлъ.

Представители земства Полтавской губерніи глубоко поражены прискорбнымъ извѣстіемъ о посягательствѣ на драгоцѣнные дни своего возлюбленнаго Монарха, спѣшатъ принести въ

храмъ благодареніе Господу, отвратившему несчастіе, грозившее Россіи, просятъ повергнуть къ стопамъ Его Величества выраженія на вѣки непоколебимыхъ чувствъ вѣрноподданнической преданности и любви.

Предсѣдатель губернской управы Милорадовичъ.

Телеграмма изъ Ярославля, отъ 5-го апрѣля.

Министру внутреннихъ дѣлъ.

По полученіи телеграммы о радостномъ избавленіи Августѣйшаго Монарха отъ угрожавшей драгоцѣннымъ днямъ Его Величества опасности, многочисленные толпы стекались въ архіерейскій домъ, гдѣ преосвященнымъ принесено было благодарственное Господу Богу молебствіе. Невозможно передать чувствъ глубочайшаго умиленія, которымъ проникнуты были всѣ присутствовавшіе. Послѣ молебствія, преосвященный отъ имени духовенства, военные и гражданскіе чины, дворянство и городскіе жители неотступно про-

силы передать по телеграфу выраженіе одушевляющаго ихъ благовѣйнаго чувства и безграничной радости о спасеніи возлюбленнаго Монарха. Я убѣжденъ, что эти чувства, какъ одинъ человекъ, раздѣлитъ вся губернія.

Губернаторъ Унковскій.

*Телеграмма изъ Архангельска, отъ 5-го
апрѣля.*

Министру внутреннихъ дѣлъ.

Съ невыразимымъ негодованіемъ и съ сокрушеніемъ принято всѣми извѣстіе о чудовищномъ покушеніи на жизнь Государя, котораго всѣ мы готовы заслонить своею грудью. Отовсюду выражается желаніе принести благодареніе Богу за сохраненіе драгоцѣнныхъ дней Того, на Котораго Россія привыкла смотрѣть съ любовію и довѣріемъ безпредѣльными. Въ соборѣ будетъ благодарственное молебствіе.

Исправляющій должность губернатора Канзачеевъ.

Телеграмма изъ Пскова, отъ 5-го апрѣля:

I.

Министру внутреннихъ дѣлъ.

Представители дворянства, городского сословія и должностныя лица, возблагодаривъ совершеннымъ въ соборѣ молебствіемъ Всевышняго, предохранившаго священную особу Государя Императора, просятъ повергнуть передъ Его Величествомъ чувства глубокой вѣрноподданныческой любви ихъ къ возлюбленнѣйшему Монарху. Негодованіе къ преступному замыслу переполняетъ сердца ихъ. Стремленіе ихъ проявить Государю Императору чувства безпредѣльно.

Губернаторъ графъ Паленъ.

II.

Министру внутреннихъ дѣлъ.

Псковское дворянства, принеся Всевышнему Творцу благодареніе за спасеніе жизни своего

возлюбленнѣйшаго Августѣйшаго Монарха, просить повергнуть Его Величеству вѣрноподданныческія чувства непоколебимой Ему преданности.

Предводитель дворянства баронъ Фитенгофъ.

Телеграмма изъ Смоленска, отъ 5-го апрѣля.

Министру внутреннихъ дѣлъ.

Изъ телеграммы вашего высокопревосходительства, Смоленская губернія узнала о совершенномъ вчерашняго числа покушеніи на священную особу нашего возлюбленнаго Монарха. Всѣ чины и сословія Смоленской губерніи не находятъ словъ для выраженія ужаса и общаго порыва негоданія, возбужденныхъ этимъ безпримѣрнымъ злодѣйствомъ, и всѣ, какъ одинъ человекъ, въ горячей молитвѣ изливаютъ свою благодарность Всевышнему, сохранившему Россіи ея возлюбленнаго Отца, Августѣйшаго Монарха. Просимъ повергнуть къ стопамъ Его Величества отъ имени вѣрноподданныхъ смолянъ выраженіе горячей любви и безпредѣльной преданности къ

Его священной особѣ и ко всему Августѣйшему Дому, и неоставить увѣдомить, не имѣло ли это преступное покушеніе какого-либо вліянія на драгоцѣнное здоровье Его Величества.

Смоленскій губернаторъ Бороздна, Смоленскій губрискій предводитель Ивановъ, смоленскій вице-губернаторъ Тучковъ, предсѣдатель казенной палаты Политковскій, городской голова Тикоцкой, красненскій уѣздный предводитель Папченко, за смоленскаго уѣзднаго предводителя судья Верховскій.

Телеграмма изъ Твери, отъ 5-го апрѣля,

Министру внутреннихъ дѣлъ.

Всѣ сословія, пораженныя страшнымъ извѣстіемъ о посягательствѣ на жизнь Государя Императора, собрались въ соборъ пренести у престола Всевышняго теплую молитву за спасеніе драгоцѣнныхъ дней возлюбленнаго Монарха и единодушно повергають къ стопамъ Его Величества чувства благоговѣйной любви и безпредѣльной вѣрноподданнической преданности.

Губернаторъ князь Багратионъ, губерискій предводитель князь Мещерскій, градскій голова Головинскій.

Телеграммы изъ Ревеля отъ 5-го апрѣля

(Перев. съ нѣмецкаго).

Г. министру внутреннихъ дѣлъ.

Дворянство Эстляндіи изъ глубины души благодаритъ Бога за проявленіе Его чудесной охраны Помазанника Господня. Прошу отъ имени его повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества чувства глубочайшаго отвращенія къ ужасному преступленію и принести выраженіе чувствъ признательности, волнующихъ сердца вѣрнопоподданныхъ Его Величества. Въ явномъ знакѣ милосердія Господа дворянство видитъ руку Божественнаго промысла, который хранитъ Его Величество и вмѣстѣ съ тѣмъ Его вѣрный народъ.

Эстляндскій губерискій предводитель дворянства графъ Паленъ.

II.

Г. министру внутреннихъ дѣлъ.

Городъ Ревель возсылаетъ благодарственныя молитвы всеблагому Богу, отвратившему преступное покушеніе на священную особу многолюбимаго Монарха и сохранившему въ Своемъ милосердіи и премудрости безцѣнную жизнь Его Величества. Мы молимъ Его Величество дозволить намъ выразить теплое чувство признательности и чистѣйшей и высочайшей радости о сохраненіи дней Его Величества для Его народа. Да хранитъ Богъ на вѣки нашего возлюбленнаго Императора.

Предсѣдательствующій, бургомистръ Геккъ.

Отъ крестьянъ Костромской губерніи, Буйскаго уѣзда, Молвитянскаго общества (проживающихъ въ Петербургѣ).

Великій Монархъ, Благодѣтель Россіи!

Промыслъ Божій иѣкогда указалъ одному изъ нашихъ костромитянъ, И. Сусанину, спасти отъ

коварныхъ враговъ Россіи предка Твоего — перваго Царя Михаила Ѳеодоровича, изъ благословеннаго для Россіи Дома Романова.

Нынѣ, тоже великимъ милосердіемъ Божіимъ, суждено одному изъ нашихъ гражданъ, Іосифу Иванову Коммиссарову, спасти драгоцѣнную для Россіи жизнь Твою, съ которой соединено счастье и благоденствіе наше.

Со слезами радости благодаримъ Господа, Спасителя жизни Твоей, и въ воспоминаніе этого событія подносимъ Тебѣ, Великій Государь, святой Его образъ; да сохранитъ Онъ навсегда Августѣйшій Домъ Твой для блага Россіи.

Отъ С.-Петербургской губернской земской управы.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО.

Мы тотчасъ узнали о возмутительномъ покушеніи на Вашу жизнь. Какъ представители земства С.-Петербургской губернии, мы спѣшимъ отъ его имени повергнуть передъ Вами, Государь, наши чувства безпредѣльной радости и

счастія Вашему чудесному спасенію. Спасая Васъ, Провидѣнію угодно было спасти Россію отъ невыразимаго бѣдствія. Мы увѣрены, что наши убѣжденія въ этомъ суть убѣжденія всей Россіи.

Съ чувствами глубочайшей и самой искренной преданности имѣемъ счастье быть

Вашего Императорскаго Величества.

вѣрноподданные: Предсѣдатель С.-Петербургскій губернской земской управы Николай Крузе, членъ управы графъ Михайль Ростовцовъ, членъ управы баронъ Егоръ Врангель, членъ управы Григорій Лихонинъ, членъ управы Цезарь Кавось, членъ управы Иванъ Бардыкъ.

Телеграмма изъ Митавы, отъ 5-го апрѣля.

Его Императорскому Величеству.

Благодареніе Всевышнему за Ваше спасеніе! Члены русскаго митавскаго общества отъ глубины души изъивляютъ свое вѣрноподданниче-

ское сочувствіе о сохраненіи жизни дорогаго Царя.

Старшины: Чернавинъ, Тверитиновъ, Несомовъ.

Телеграмма изъ Нарвы, отъ 6-го апрѣля.

Августѣйшій Монархъ!

Съ теплою молитвою у престола Всевышняго приносятъ благодареніе Твои вѣрноподданные города Нарвы за спасеніе жизни Твоей — счастья и благоденствія Россіи.

Старшины общества города Нарвы: Степанъ Орловъ, Петръ Рапковъ, Николай Горемыкинъ.

Телеграмма изъ Ростова-на-Дону, отъ 6-го апрѣля.

Его Императорскому Величеству.

Дворянство Ростовскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, возсылаетъ теплыя молитвы благодаренія о спасеніи десницею Всевышняго

столь драгоценныхъ дней жизни любимаго Монарха на благо и счастье истинно русскихъ вѣрнопоподанныхъ.

Исправляющій должность предводителя дворянства Михаилъ Ковалевскій.

Телеграмма изъ Астрахани, отъ 6-го апрѣля.

Государю Императору.

Государь! Ужасное извѣстіе, сегодня полученное, повергло насъ въ глубокую горестъ. Опасность угрожаемая Вашему Величеству, миновала; но мы, вѣрнопоподанные Ваши, не перестанемъ болѣть за совершившійся фактъ. Благодаримъ Бога за спасеніе Ваше; молимъ Его, чтобы преступникъ былъ не русскій.

Купцы: Александръ Сапожниковъ, Иванъ Марковъ, Михаилъ Маслениковъ, Викторъ Платоновъ, Петръ Шапошниковъ, Иванъ Алабовъ, Петръ Всойшевъ, Павелъ Орѣховъ, Иванъ Веденисовъ, Владиміръ Александровъ, Вейперъ второй, Григорій Пулькииъ, Савелій Мухановъ, Александръ Смолинъ, Степанъ Пальцевъ, Алек-

сѣй Буркинъ, Харлампій Хлѣбниковъ, Никифоръ Ильинъ, Іосифъ Потѣхинъ, Купріанъ Кабановъ, Павелъ Хлѣбниковъ, Петръ Расторгуевъ, Петръ Мещерской, Михаилъ Орловъ, Сергѣй Анджа-ловъ, Евграфъ Лѣспниковъ, Василій Щербаковъ.

Телеграмма изъ Эривани, отъ 6-го апрѣля.

Государю Императору.

Августѣйшій Монархъ! Провидѣніе спасло жизнь Твою, Государь, отъ выстрѣла злодѣя. Покушеніе ужасное! Оно потрясло насъ, Твоихъ вѣрноподданныхъ, до глубины души. Опомнившись отъ перваго удара, мы помолились Всевышнему, за Твое, возлюбленный Государь, спасеніе, радуемся, поздравляемъ Тебя и себя, присоединяя отдаленные отъ подножія Арарата наши голоса къ общему единодушному хору всей Россіи, да хранитъ Богъ нашего Царя. День Твоего чудеснаго спасенія будетъ для насъ праздничнымъ днемъ.

Отъ представителей всѣхъ сословій населенія

христіанскаго и мусульманъ, отъ всѣхъ чиновъ
военнаго и гражданскаго вѣдомствъ.

За губернатора вице-губернаторъ К. Буинцъ.

Телеграмма изъ Чернигова, отъ 6-го апрѣля.

Государю Императору.

Слава Провидѣнію, сохранившему Твою жизнь,
Государь, для славы и счастья Россіи! Единодуш-
но возносимъ благодареніе Создателю за спасе-
ніе драгоцѣнныхъ дней Твоихъ! Молимъ Госпо-
да Бога о продленіи на многія-многія лѣта слав-
наго царствованія Твоего.

Отъ лица всего дворянства Черниговской гу-
берніи, исправляющій должность губернскаго
предводителя, предводитель Черниговскаго уѣзда
Николай Подольскій.

Телеграмма изъ Витебска, отъ 6-го апрѣля.

Его Императорскому Величеству.

Какъ только достигла Витебска ужасная вѣсть
о гнусномъ покушеніи на священную жизнь Ва-

шего Императорскаго Величества, люди всѣхъ сословій поспѣшили въ храмъ Божій возблагодарить Святой Промыслъ, отвратившій отъ лица Вашего Величества близкую опасность. Въ глубокомъ негодованіи къ совершившемуся преступленію, все вообще населеніе Витебской губерніи всеподданнѣйше повергаетъ къ стопамъ Вашимъ, Государь, радостное чувство о благополучномъ сохраненіи драгоцѣннѣйшихъ для Россіи дней Вашего Величества и молить Всевышняго, да оцѣнитъ десница Его царствованіе Вашего Величества на долгія лѣта, для счастія русскаго народа и славы любезнаго отечества.

Витебскій губернаторъ генераль-маіоръ Веревкинъ.

Телеграмма изъ Валдая, 6-го апрѣля.

Его Императорскому Величеству.

Граждане города Валдая, съ прискорбіемъ узнавъ о покушеніи на драгоцѣнную намъ жизнь

Августѣйшаго Монарха нашего, движимыя безпредѣльною любовью, молятся за спасеніе нашего Отца и Благдѣтеля.

Градской голова Василій Якунинъ, бургомистръ Василій Карповъ, купецъ Петръ Хахунинъ, мѣщанинъ Василій Подчищаловъ, ратманъ Алексѣй Каретниковъ, ратманъ Степанъ Гороховъ, купецъ Михайло Дубининъ; по довѣренности остальныхъ гражданъ города Валдая, купеческій сынъ Павелъ Дубининъ.

*Телеграммы изъ Каменецъ-Подольска, отъ 5-10
апрѣля.*

I.

Генераль-губернатору Безаку.

Торжественно благодаримъ Всевышняго за чудесное избавленіе Государя Императора и Россіи отъ страшной опасности. Духовенство, служашіе, войска и народъ всѣхъ состояній благоговѣйно повергають къ стопамъ Его Император-

скаго Величества единодушно вѣрноподданическое поздравленіе.

Исправляющій должность губернатора Горемыкинъ.

II.

Министру внутреннихъ дѣлъ.

Изумленный сообщеніемъ гнуснаго покушенія на драгоцѣнную жизнь Государя Императора, помолившись со всѣми о счастливомъ исходѣ, я желаю представить отъ лица вѣрноподданнаго дворянства Подольской губерніи и чрезъ посредство ваше изъяснить у престола Его Величества душевное прискорбіе объ угрожавшей опасности и радостное благодареніе Господу Богу за спасеніе жизни Отца Отечества.

Предводитель Аркадій Марковъ.

Телеграмма изъ Кіева, 5-го апрѣля.

Министру внутреннихъ дѣлъ.

Отъ дворянства Кіевской губерніи покорнѣйше прошу повергнуть къ стопамъ Его Импера-

торскаго Величества выраженіе чувствъ безпредѣльной вѣрноподданнической преданности и глубокаго ужаса, испытаннаго нами по полученіи потрясающаго извѣстія о грозившей опасности Августѣйшей особѣ Его Величества. Отъ полноты сердца мы возносимъ благодарственныя молитвы Всевышнему за сохраненіе драгоценныхъ для Россіи дней Государя Императора.

Исправляющій должность кіевскаго губернскаго предводителя дворянства Бердяевъ.

И такъ далѣе: одно слово — одно дѣло отъ всѣхъ, изъ всѣхъ городовъ, со всѣхъ мѣстъ, мѣстечекъ, посадовъ и селъ и деревень....

Отъ Перми до Тавриды

Отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной
Колхиды

Отъ потрясеннаго Кремля

До стѣнъ недвижнаго Китая.

Отвсюду откликъ, восторженный, простой, сердечный, чисто русскій. Встряхнулъ онъ землю русскую изъ края въ край и грозна стоитъ она....

Вся одежда леденая,
Только сердце горячо....

.

Такъ высылайте жъ намъ вѣтѣи
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи
Среди нечуждыхъ имъ гробовъ.

11-е Октября
1866.

НАСТОЯЩЕЕ ИМЯ И ЗВАНІЕ ПРЕСТУПНИКА 4-го АПРѢЛЯ 1866 г.

Въ нашей брошурѣ, по извѣстіямъ «Московскихъ Вѣдомостей» помѣщено имя преступника—Ольшевскій. Русскій Инвалидъ № 93, официально заявляетъ, что Коммиссія, назначенная для изслѣдованія преступленія 4-го Апрѣля, не смотря на отказы положительно и точно отвѣчать на предлагавшіеся преступнику вопросы, успѣла *положительно* узнать, что преступникъ уроженецъ Саратовской губерніи *Дмитрій Васильевъ Каракозовъ*. Отецъ его имѣлъ не-

большое помѣстье въ Сердобскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи. Самъ же преступникъ, бывшій вольнослушатель Московскаго Университета, находясь еще въ Москвѣ, страдалъ, по показаніямъ нѣкоторыхъ изъ его товарищей, припадками меланхоліи и ипохондріи и въ продолженіи болѣе мѣсяца лежалъ въ Клиникѣ при Московскомъ Университетѣ, пользуясь у тамошнихъ докторовъ. Болѣзненное настроеніе его, по свидѣтельству тѣхъ же товарищей, доходило до того, что онъ писалъ письмо къ одному изъ нихъ, прося прислать ему опиума, для прекращенія мученій, вмѣстѣ съ самою жизнью. Обо всемъ этомъ собираются подробныя свѣдѣнія. Въ нынѣшнемъ году Каракозовъ былъ два раза въ Петербургѣ: одинъ разъ онъ пріѣхалъ въ февралѣ мѣсяцѣ, а другой разъ на Пасхѣ. По словамъ знакомыхъ и родныхъ, Каракозовъ постоянно жаловался на то, что жизнь ему въ тягость, что она уже ему надоѣла и что онъ ненавидитъ людей. Вмѣстѣ съ тѣмъ Каракозовъ развивалъ идеи самаго крайняго социализма. Въ Петербургѣ, скрывая свое настоящее имя и званіе, онъ продолжалъ лечиться отъ болѣзни у нѣкоторыхъ здѣшнихъ докторовъ. Каракозовъ! говоритъ русское общество, Каракозовъ! повторяетъ оно—это не русское имя—

это армянское, грузинское, татарское, но только не русское, корня нѣтъ для этого имя въ русскихъ звукахъ... Въ нашу кровную семью потекло много чужой крови, — много иноплеменности. «Вольный слушатель Университета—это не то что студентъ—между ними громадная разница... двери Университета открыты широко, въ нихъ можетъ войти, на правахъ вольнаго слушателя всякій, Университету трудно отвѣчать за этихъ «вольныхъ», которыя иногда остаются въ этомъ званіи до преклонныхъ лѣтъ. Грустно, крайне грустно, что хотя разъ нога злодѣя была въ Московскомъ, старѣйшемъ изъ всѣхъ Университетовъ Россіи, разсадникъ истинно-русскаго образованія, но слава Богу за то, что онъ не студентъ Университета; что же касается его имени, то кто бы онъ ни былъ — русское общество словами Московской Думы заявило, что не признаетъ его за русскаго, и остается при прежнемъ убѣжденіи, что онъ орудіе не русскаго дѣла.

Слѣдствіе покушенія 4-го Апрѣля болѣе или менѣе извѣстно, чтобъ объ немъ много разпространяться. Закваска Польши, систима веденія дѣлъ по системѣ Іосафата Огрызко, вербованіе и увеличиваніе *вальнургіева* стада, сказалось ясно въ этомъ дѣлѣ—общества „Организація“—„Адъ“ въ своихъ основаніяхъ не имѣютъ ничего русскаго—это прямые плоды Польскаго дѣла на русской почвѣ и чистосердечное раскаяніе Каракозова, его обращеніе къ религіи въ послѣднія минуты, облобызаніе имъ Креста, одежды священника, ясно сказало, что въ этой глубоко-испорченной натурѣ предъ отдѣленіемъ души отъ тѣла, отдѣлилось напускное отъ своего. Нашъ Великій, безпримѣрно Благодушный Государь выражалъ желаніе оставить жизнь преступнику, но преступленіе было такъ несказанно велико, что земное правосудіе должно было ускорить передать свою кару вадъ рукой посягнувшей на жизнь помазанника Божіе въ рукъ судіи Небеснаго.

На мѣсть преступленія усердіемъ русскихъ людей воздвиглась великолѣпная часовня и стихъ божественнаго слова во всеуслышаніе всѣхъ гласитъ *Не прикасайтесь Помазанному Моему!*...

Но ожесточенная нація не вняла этому глаголу—Польша выслала своего сына, который вторично поднялъ вооруженную руку, поднялъ ее на землѣ гостепріимной Франціи на нашего Царя-отца.

Какъ бы поляки не оправдывали себя, что они, какъ нація не имѣютъ ничего общаго съ этимъ покушеніемъ, но Березовскій, какъ фанатикъ слѣдствіе и продуктъ ихъ направленія и ученій, точно также, какъ броженіе изъ котораго сформировался Каракозовъ произвели Польскія дрожжи... Можно удивляться чудовищности результатовъ своего дѣла, негодовать на нихъ, но отказаться отъ него невозможно: довѣріе къ Польской искренности совсѣмъ потеряло кредитъ, необходимо для возстановленія его совершенно измѣниться, подчиниться исторической необходимости.

Чтобы опредѣлить весь позоръ послѣдняго по-

кушеніе черноту тѣни, наброшенную на всю польскую націю предъ лицомъ цѣлой Европы, мы прослѣдимъ путешествіе Государа Императора — все его торжественно—побѣдоносное шествіе по Европѣ и то впечатлѣніе, которое произвело это покушеніе во Франціи, въ Россіи — всюду, куда только проникла эта вѣсть.

Путешествіе Государа — это рядъ торжествъ Россіи и высокаго значенія ея Монарха.. Ихъ необходимо запомнить и сохранить.

Парижъ ждалъ Государа съ какимъ то лихорадочнымъ вѣтерпѣніемъ, провинціи и не только окружныя, но и дальніе департаменты двинулись уже не на выставку, о на встрѣчу къ русскому Государю. Вотъ фактъ, неопровержимо доказывающій искренность и глубину настроенія преданности и любви. Предъ пріѣздомъ Государа въ народныхъ массахъ кромѣ обыкновенныхъ фотографій разныхъ размѣровъ въ магазинахъ, по всему Парижу, особенно въ центрахъ народнаго движенія, продавались, по одному су, небольшіе поясные портреты Государа, Государыни, Наслѣдника,

его супруги и великаго князя Константина, всѣ вмѣстѣ на одномъ листочкѣ картонированной бумаги, и ихъ брали на расхватъ. Пришедшія за припасами для домашняго обихода хозяйки пріобрѣтали въ одну руку пучокъ зелени, а въ другую—«русскую семью», «la famille russe», какъ они же прозвали портреты, прекрасно, хоть и инстинктивно, характеризующимъ названіемъ, что царскій домъ Россіи есть именно русская семья и семья Россіи, ея высшее, любезнѣйшее выраженіе. . . Портреты похожи, на сколько сходство возможно при мишьятурномъ и, понятно, безхитростномъ популярномъ исполненіи. Публика всматривалась и рассуждала о бѣльшей или мѣньшей вѣрности изображеній, судя о нихъ по другимъ, видѣннымъ на картинныхъ выставкахъ бульваровъ портретамъ, а относительно великаго князя Константина—по собственнымъ воспоминаніямъ. Елисейскому дворцу была предоставлена честь принять на время пребыванія Императора Александра Николаевича. Это замѣчательный, исторической дво-

рець. Здѣсь жилъ принцъ Луи-Наполеонъ, бывши президентомъ республики. Здѣсь подписалъ свое второе отреченіе Наполеонъ. Подъ его тріумфальною аркою проѣзжалъ Александръ 1-й. Въ немъ-то и были расположены апартамены Александра II-го... Елисейскій дворець выстроенъ въ 1718 году знаменитымъ тогда архитекторомъ Молэ, для графа д'Эврѣ изъ дома Буильйоновъ. По смерти перваго владѣльца, онъ перешолъ къ маркизѣ Помпадуръ, которая, въ свою очередь, завѣщала его королю, обратившему отель д'Эврѣ, какъ его тогда называли, въ жилище чрезвычайныхъ пословъ. Въ 1773 г., дворець былъ купленъ извѣстнымъ финансовымъ дѣятелемъ той эпохи, Божономъ, и перестроенъ архитекторомъ Булэ. Въ 1790 году онъ принадлежалъ герцогинѣ Бурбонъ, потомъ былъ національною собственностью, во времена консульства—театромъ официальныхъ торжествъ, далѣе—обиталищемъ Мюрата, въ реставрацію—удѣломъ герцога Беррійскаго. Со времени второй имперіи, онъ служилъ мѣстопробываніемъ принцесы Матильды.

Одаренная художественно натурою хозяйка его собрала въ него сокровища искусства. Мѣстоположеніе елисейскаго дворца — единственное въ Парижѣ.

Одно описаніе приѣма и вѣзда нашего Государя способно дать понятіе о той глубинѣ Европейской симпатіи къ великой личности нашего Государя. Мы помѣщаемъ это описаніе со словъ корреспондента „Голоса“ это едва ли не самое полное и разностороннее описаніе вѣзда, которое мы имѣемъ.

Надъ станціею сѣверной желѣзной дороги, пишеть онъ, проработали всю ночь. Это красивое, громадное зданіе, вполне соответствующее важности сосредоточивающихся въ немъ между-народныхъ сношеній, выстроено недавно, вмѣсто торчавшаго на его мѣстѣ до 1860 или 1861 года безобразнаго, чуть не деревяннаго балагана. Оно было украшено флагами всѣхъ націй, особенно французскимъ и русскимъ. Главный входъ обращенъ въ пріемную залу. Постѣпамъ драпировка изъ краснаго бархата съ золотыми поями и кистями; рельефная карта

сѣверныхъ департаментовъ Франціи; столъ; нѣсколько креселъ. Отсюда прибѣдетъ Государь въ Парижъ; здѣсь онъ выйдетъ изъ вагона; здѣсь его встрѣтятъ; сюда и устремляется населеніе. Съ полудня городъ оживляется неимовернымъ движеніемъ. Представьте себѣ сороковерстный, почти правильный кругъ — это Парижъ (онъ именно такую и имѣетъ форму). Станція сѣверной дороги центръ верхнихъ кварталовъ: сегодня она сдѣлалась центромъ всей французской столицы.

Проходъ—дверью о-бокъ съ главнымъ входомъ. Поворотъ направо. Здѣсь отбираютъ именныя билеты и рвутъ ихъ передъ вашими глазами. Влѣво отъ параднаго царскаго входа и выхода, параллельно съ рельсами, по которымъ паровозъ промчитъ черезъ полтора часа императорскій поѣздъ—рядъ трибунъ подъ литерами А. В. С. Е. F. G. Передъ ними постилка, по которой пройдетъ по дебаркадеру августѣйшій гость. Вверху, въ самомъ зданіи станціи, направо, еще галерея для публики. Отведенныя для нея мѣста пока еще заняты на половину.

Взадъ и впередъ снуютъ служащіе при желѣзной дорогѣ. Приходятъ и отходятъ поѣзды, потому что обыкновенное движеніе не остановлено ни на минуту. Прибывающіе и отбывающіе путешественники жадно вглядываются въ торжественную картину. Каждую минуту—новый приливъ людскаго моря. Проходитъ, прихрамывая и опираясь на свою неразмучную трость, Ротшильдъ президентъ совѣта управленія сѣверной желѣзной дороги, въ ашиенской линіѣ. Онъ смотритъ, все ли въ порядкѣ. Публика, бродившая тамъ и сямъ, начинаетъ усаживаться. Служащіе при дорогѣ просятъ мужчинъ не занимать первыхъ двухъ рядовъ скамей, предназначенныхъ для дамъ. Всѣ размѣщаются, какъ кто хочетъ въ своей трибунѣ. Хотѣлось бы перечислить вамъ всѣ собравшіяся сюда знаменитости и извѣстности, то, что въ Парижѣ называютъ «*sommités*—невозможно.

Ровно въ 4 часа 25 минутъ (20-го Мая, 1-го Юня) саженьяхъ въ ста слѣва, показывается изъ-за поворота дороги — государевъ поѣздъ. Трубы гремятъ. Музыка оглашаетъ вокзалъ родными

звуками „Боже Царя храни“. Наполеонъ III, до сихъ поръ остававшійся съ покрытою головою, снимаетъ шляпу и идетъ на встрѣчу поѣзду, въ окнахъ котораго видны лица и мелькаютъ платки. Поѣздъ останавливается. Мгновеніе трепетнаго ожиданія для присутствующихъ. Изъ него выходитъ, въ лентѣ ордена почетнаго легіона, Императоръ Александръ, въ сопровожденіи Государя Наслѣдника и великаго князя Владиміра Александровича, со свитою, къ которой присоединились выѣхавшіе на встрѣчу изъ Парижа въ Шантильи — его высочество принцъ Лейхтенбергскій, баронъ Жомини и князь Витгенштейнъ, и еще въ Вербье — нашъ посолъ баронъ Гудбергъ съ первымъ секретаремъ посольства г. Окуневымъ. Едва Государь показывается въ дверцахъ вагона, вокзалъ дрожитъ отъ привѣтственныхъ кликовъ. «Vive l'empereur Alexandre» и русское „ура“ смѣшиваются, дружно потрясаютъ стеклянные своды вокзала. Незачѣмъ объяснять, какимъ чувствомъ волнуется грудь нашихъ соотечественниковъ. Лица французской публики дышатъ искреннимъ привѣтомъ. Монархи встрѣ-

чаются у подножки вагона и подаютъ другъ другу руку. За окружающею вѣнценосцевъ свитою трудно вполнѣ отчетливо различить ихъ движенія: кажется, за рукопожатіемъ слѣдуетъ дружеское объятіе. Около минуты вѣнчанный гость и царственный хозяинъ пребываютъ вмѣстѣ, размѣниваясь привѣтствіями. Вотъ свита раздается. Государь весело направляется къ выходу, имѣя по лѣвую руку императора Наполеона и благосклонно кланяясь величающимъ его трибунамъ, гдѣ машутъ шляпами и скамья громоздится на скамью, тѣсняясь ближе къ мѣсту, по которому идетъ Государь. На второй половинѣ вокзала Государь проходитъ между двухъ рядовъ русскихъ сановниковъ. Здѣсь Наполеонъ III-й слѣдуетъ нѣсколько позади, пропустивъ передъ себя Его Величество. Государь протягиваетъ руку настоящему здѣшней русской церкви, отцу Іосифу Васильеву, стоящему во главѣ праваго ряда русской группы, и всѣхъ одѣляетъ ласковою улыбкою. Вотъ онъ ужъ у выхода. Теперь извнѣ доносятся въ вокзалъ торжественные клики.

Оказалось, что извѣтъ, въ самомъ Парижѣ, пріемъ былъ еще оживленнѣе, еще горячѣе, радушнѣе и восторженнѣе, чѣмъ на станціи желѣзной дороги.

Всюду поспѣть невозможно, быть разомъ и въ пунктѣ прибытія и на пути всего шествія кортежа, значило бы быть птицею. Однако, метнувшись съ трибуны немедленно по отбытіи кортежа и пробѣжавъ во всю прыть поперечными и кратчайшимъ, и, къ счастью, свободными улицами, я наконецъ догналъ поѣздъ на углу бульвара Сен-Дени и прослѣдилъ за нимъ до Итальянскаго Бульвара. Такого зрѣлища Парижъ не запомнитъ. Этотъ въѣздъ составитъ эпоху. Погода не обманула въ своихъ обѣщаніяхъ: все облито лучами точно іюльскаго солнца; на небѣ ни тучки. Толпа—невообразимая. Съ четырехъ часовъ экипажи не могли уже здѣсь проѣзжать и направлялись къ мѣсту своего назначенія окольными путями. Вдоль домовъ, по тротуарамъ—нескончаемая лента человѣческаго муравейника. Во всѣхъ окнахъ головы. Деревья унижены зрителями. Зрители на крышахъ, на трубахъ крышъ. На буль-

варѣ Пуасоньерѣ одинъ молодецъ взгромоздился на полотняный навѣсъ какого-то магазина, и голосить „вотъ онъ“, „вотъ онъ“, „le voilà“. Въ улицѣ Мегюль, примыкающей къ итальянскому Бульвару, навѣсъ театра Комической Оперы, откуда видно шествіе, усыпанъ публикою. Такого стеченія народа нѣкто здѣсь никогда не видѣлъ. Съ нимъ можетъ сравниться лишь стеченіе населенія при входѣ французскихъ войскъ послѣ популярной и побѣдоносной итальянской кампаніи 1859 года. Неслыханная въ Парижѣ вещь: толпы народа, переполнивъ тротуары, переливаются на самую улицу и надвигаются на поѣздъ, охватываютъ его со всѣхъ сторонъ, такъ что онъ прорѣзываетъ себѣ дорогу въ этомъ людскомъ морѣ, какъ корабль въ водяной пучинѣ. И еще болѣе неслыханная вещь: равнодушные парижане, которые почти никогда не звучатъ манифестаціями, въ одинъ голосъ гремятъ теперь привѣтствіями Государю. Быть можетъ, никогда въ Парижѣ не происходило ничего подобнаго. Знаю цѣну словъ, и знаю Парижъ, и повторяю: *быть можетъ, никогда въ немъ не происходило ни-*

чего подобнаго. Вы предупреждены о симпатическомъ настроеніи населенія; но приѣмъ ихъ Государя превзошолъ всѣ ожиданія.

Время препровожденія Государя Императора было распредѣлено слѣдующимъ образомъ.

21-го мая — скачка въ Булонскомъ Лѣсу; во вторникъ, 23-го мая — обѣдъ въ Тюильри и торжественное представленіе въ оперѣ; въ среду, 24-го — балъ въ русскомъ посольствѣ; въ четвергъ, 25-го большой смотръ войскамъ и парадъ въ Булонскомъ Лѣсу; въ пятницу, 26-го — балъ въ городской думѣ (Hôtel-de-Ville); въ воскресенье, 28-го — посѣщеніе Версаля; во вторникъ 30-го — посѣщеніе Фонтэнбло и отъѣздъ Государь Императоръ, не смотря на катастрофу 25 Мая, ни однимъ днемъ не сократилъ своего пребыванія въ Парижѣ и программа была точно выполнена, кромѣ множества торжествъ не входившихъ въ составъ ея. Мы по преимуществу остановимся на 23, и 25-тымъ Мая.

Государь занималъ въ элисейскомъ дворцѣ апартаментъ Наполеона I, который состоитъ изъ четырехъ покоевъ: двѣ небольшія, изящно, но

просто убранная гостиная; библіотека, вся составленная изъ книгъ, принадлежавшихъ Наполеону и королевѣ Гортензіи, матери теперешняго французскаго императора; опочивальня, съ мѣбелю, покрытою красной шолковой матеріей, гобленовскіе ковры, кровать изъ рѣзнаго дуба, подъ балдахиномъ, между двухъ позолоченыхъ креселъ; наконецъ, „salon d'argent“, серебряный салонъ, такъ называемый потому, что все въ немъ: мѣбель, стѣны, каминъ, покрыто серебромъ. Здѣсь былъ рабочій кабинетъ Наполеона I. Все здѣсь сохранено въ томъ самомъ видѣ, какъ было при немъ, и здѣсь до сихъ поръ находится кресло, въ которомъ онъ сидѣвалъ, столъ, на которомъ онъ подписалъ отреченіе.

Это частные покои Его Величества, въ глубинѣ дворцовыхъ комнатъ. Приемныя предшествуютъ имъ, направо отъ входа. Здѣсь послѣ первой комнаты, прихожей, передняя для швейцаровъ, ординарцевъ, служителей; аванзала для адъютантовъ и свиты; потомъ салонъ, во вкусѣ Людовика XV, съ мѣбелю, покрытой желтою тканью бовэскаго шитья (tapisserie de Beauvais);

другой салонъ, въ подобномъ же вкусѣ, съ гобленовскимъ ковромъ, изображающимъ рафаэлю „Jugement de Paris“. Возлѣ — столовая. Въ ней мебель голубого шолка, позолоченные барельефы, мозаика, представляющая, между прочимъ, карту Франціи въ 1684 году. Вокругъ по стѣнамъ медальоны царствующихъ особъ.

Съ самаго пріѣзда Государя и до самаго Его выѣзда дворецъ былъ окруженъ никогда не убывавшею толпою народа, эта толпа ожидала его выѣзда, ждала его прибытія, слѣдовала за нимъ всюду по пути — всѣ хотѣли видѣть его, взглянуть въ лице Царя-Освободителя 20-ти милліоновъ, запомнить дорогіе не только русскому, но и всякому свободному человѣку, въ высшей степени, симпатичныя черты нашего Государя.. Это путешествіе, безъ преувеличенія слѣдало Его самымъ популярнымъ Монархомъ во всемъ свѣтѣ.

Съ 8 часовъ утра 23 Мая (4-го Іюня) всѣ члены Императорской комиссіи собрались въ русскомъ отдѣлѣ выставки. Посѣщеніе Государя Императора было дѣйствительно назначено

въ девятомъ часу. Его величество парочно выбралъ такое раннее время, чтобъ Его менѣе стѣсняла толпа, но публика, наканунѣ напрасно прождавшая на выставкѣ, не заставила себя долго ждать. Въ 9 часовъ прибылъ Его Величество, въ сопровожденіи Государа Наслѣдника Цесаревича, Великаго Князя Владиміра Александровича, Его Высочества герцога Лейхтенбергскаго. Въ свитѣ Ихъ находились князь Долгоруковъ, графъ Адлербергъ, графъ Шуваловъ, графъ Ферзенъ, адмиралъ Бокъ и многіе другіе. Баронъ Бедбергъ былъ также въ свитѣ. При входѣ на выставку Его Величество встрѣтили маршалъ Вальянъ, государственный министръ г. Руэръ, г. Ле-Пле, президентъ главной комиссіи выставки и др. Члены русской комиссіи ожидали Его величество при входѣ въ русское отдѣленіе со стороны галлерей, отведенной для отдѣла исторіи труда, но вдругъ ихъ извѣстили, что Государь, стѣняемый неслѣтною толпою, старавшеюся поближе къ Цесарю пробраться, повернулъ на верхнюю галерею и идетъ съ той стороны. Тогда комиссіи

перешла въ русское отдѣленіе выставки хлѣбныхъ произведеній и выстроилась по лѣстницѣ для встрѣчи Его Величества, который тотчасъ же началъ осмотръ въ сопровожденіи почетнаго президента русскаго отдѣла Его Высочества герцога Лейхтенбергскаго и дѣйстви-тельнаго президента. А. И. Бутовскаго, кото-рые сообщили Его Величеству необходимыя объясненія о каждомъ выставленномъ пред-метѣ. Сначала Государь Императоръ направился въ *parc aux écuries*, въ сопровожденіи гене-ралъ-адъютанта Мердера, оттуда Его Величест-во и Ихъ Высочества прошли въ *избу*, кото-рую Они посѣтили во всѣхъ подробностяхъ и мимоходомъ зашли въ небольшую русскую хи-жину, служащую конторой для русскаго от-дѣла. Чтобы попасть оттуда въ зданіе выставки, нужно пройти чрезъ русскій трактиръ. Уже на пути въ конюшни, Его Величество былъ встрѣченъ двѣнадцатью половыми г-на Коре-щенка, имѣвшими во главѣ своей главныхъ прикащиковъ, и милостиво общалъ имъ зайти въ ихъ заведеніе. Теперь Государь Импера-

торъ исполнилъ Свое обѣщаніе. Хотя по желанію Его Величества, чтобы не привлечь сюда толпы, и былъ снятъ великолѣпный флагъ изъ зеленаго сукна съ золотомъ, которымъ накануне была украшена входная дверь, но и то, что оставалось отъ убранства, было великолѣпно. Полъ былъ устланъ роскошными коврами, превосходные занавѣсы, зеленые съ золотомъ, были повѣшаны у двери, нарочно устроенной для входа Его Величества, и по обѣимъ сторонамъ пространства между входомъ и трактиромъ были уставлены деревья и тропическія растенія въ полномъ цвѣтѣ. Взойдя въ верхній этажъ, Его Величество и Ихъ Высочества были встрѣчены съ хлѣбомъ и солью вышеупомянутыми прикащиками г. Корещенка и половыми, одинъ изъ коихъ, Алексѣй Шумовъ, произнесъ рѣчь Его Величеству. Государь Императоръ обратился ко всѣмъ имъ съ нѣсколькими словами и сядя за столъ, роскошно убранный посудой съ императорскими гербами и букетами цвѣтовъ, изъ коихъ на одномъ былъ вензель Его Величества изъ незабудокъ, ска-

залъ, обращаясь къ Своимъ Августѣйшимъ Сыновьямъ: „Здѣсь, дѣти Мои, Мы какъ будто у себя въ Россіи“. Каждую вещь, которую отвѣдывалъ Его Величество, начиная съ кулебяки, Онъ находилъ превосходною, и служители были въ неописанной радости (*). За тѣмъ Государь Императоръ приказалъ пригласить къ завтраку маршала Вильяна, г. Руэра, графа Ньювсерке и др. По окончаніи завтрака, тотъ же половой Алексѣй Шумовъ сказалъ Его Величеству: „Для всѣхъ насъ душевная радость въ Россіи видѣть Ваше Величество, но удостоиться Царскаго лицезрѣнія на чужбинѣ — радость несказанная“. Его Величество и Ихъ Высоче-

(*) За завтракомъ подавали: семгу, икру, балыкъ, кильки, оборокъ, рыжики, кулебяку, растегаи, щи и кашу, осетрину и лососину, филе съ трюфелями, пожарскія котлеты, фазановъ, рябчиковъ, спаржу и разнообразный десертъ; изъ винъ: хересъ, мадеру, портвейнъ, четырнадцатилѣтній портвейнъ, сотеря, крымскій рислингъ и кахетинское. Государь откушалъ икры, кулебяки, растегаевъ, фазана и рябчика и пилъ только рислингъ и кахетинское.

ства вышли изъ трактира при крикахъ *ура*, которые могутъ такъ вырваться только изъ русской груди. Затѣмъ Государь Императоръ приступилъ къ подробному осмотру всѣхъ частей русскаго отдѣла, останавливаясь предъ каждымъ экспонентомъ. Вдругъ услышали всѣ шумъ и возгласы. Всѣ думаютъ, что пріѣхалъ императоръ Наполеонъ. Но вскорѣ выяснилось, что служители трактира и половые пьютъ за здоровье своего Царя при восклицаніи *ура*. Государь Императоръ и Ихъ Высочества были, по видимому, весьма довольны этимъ. Проходя чрезъ русское отдѣленіе исторіи труда, гдѣ выставлены, между прочимъ, многія древности изъ Оружейной Палаты, Его Величество замѣтилъ, что русская комиссія весьма хорошо сдѣлала, что, не подражая примѣру другихъ странъ, выставила не копіи, а самые оригиналы. Затѣмъ, перейдя центральныя садъ, Государь Императоръ вступилъ во французское отдѣленіе, которое онъ осматривалъ только отчасти, обративъ особенное вниманіе на мебель и на картинную галерею, и вышелъ въ *avenue Trouville* со стороны Военной школы.

Спектакль въ Оперѣ былъ блестящій, невиданный даже и въ Парижѣ. Фасадъ Операго театра сіялъ огнями. Вепзеля и орлы вырисовывались огненными чертами. Пилястры были украшены трофеями изъ русско-французскихъ знаменъ и флаговъ. Съ каждой стороны входа были разставлены растенія. Ступеньки лѣстницы были устланы ковромъ, доходившимъ до самыхъ стѣнъ. Большая зала фойе была украшена декораціями и цвѣтами. Находящаяся въ преддверіи статуя Россіи выдавалась изъ массы цвѣтовъ. На лѣстницѣ, съ правой стороны, по которой должны были пройти Государи, былъ разосланъ пунцовый бархатъ. На каждой ступенькѣ и до самой императорской ложи стояли цвѣты, тропическія растенія, жирандоли, знамена, вездѣ золото и бархатъ. Одно это убранство стоило дирекціи 20.000 фран. Убранство ложи было сдѣлано насчетъ двора. Для постройки этой ложи были сняты перегородки восьми ложъ и уничтожена часть амфитеатра. Надъ нею простирался бархатный балдахинъ съ огромнымъ орломъ наверху, а отъ балдахина спускались съ

боковъ бархатные занавѣсы съ вырѣзами и золотыми каймами и съ императорскими гербами.

8 часовъ. Движеніе по бульварамъ и по улицѣ *Polletier*, на которой находится театръ, уже пріостановлено. Бульвары иллюминированы. Толпа, конечно, не смѣтная. Въ 9 часовъ стали съѣзжаться кареты. Вотъ наконецъ и первый поѣздъ изъ трехъ придворныхъ каретъ, впереди коего скачутъ уланы. Прибыли принцъ и принцесса Прусскіе, княгиня Лихтенштейнъ и княжна Лейхтенбергская. Въ 9½ часовъ прискакалъ рысью отрядъ ста-гвардейцевъ, а за ними въ придворныхъ каретахъ Императоръ Александръ, императоръ Наполеонъ, императрица Французовъ, Государь Паслѣдникъ Цесаревичъ, Великій Князь Владиміръ Александровичъ и Ихъ свита. За ними пріѣхали другіе принцы и принцессы. При проѣздѣ императорскаго кортежа произошла такая давка, что всѣ столы, разставленные предъ кофейными, были опрокинуты, и все, что на нихъ находилось, перебито.

Въ то время, какъ государи входили въ ложу, — по истинѣ трогательная минута, — всѣ зри-

тели въ залѣ встали, и не медленно оркестръ грянулъ *Боже, Царя храни*, который выслушанъ былъ стоя. Затѣмъ государи и принцы заняли мѣста въ слѣдующемъ порядкѣ: по срединѣ Императоръ Александръ, по правую сторону отъ Него императоръ Наполеонъ, а по лѣвую Императрица Евгенія; по обѣ стороны размѣстились остальные высокія особы въ заранѣе опредѣленномъ порядкѣ, а именно: направо отъ императрицы—наслѣдный принцъ Прусскій, Великая Княгиня Марія Николаевна, принцъ Лудвигъ Гессенскій, принцесса Матильда, принцъ Фридрихъ Гессенскій, принцесса Мюрать, принцъ Саксенъ-Веймарскій, братъ Тайкуна; направо отъ Наполеона III — принцесса Прусская, Государь Наслѣдникъ, принцесса Луиза Гессенская, Великій Князь Владиміръ Александровичъ, княжна Евгенія Максимиліановна, герцогъ Лейхтенбергскій, принцъ Іоахимъ Мюрать. Всѣ ложи перваго ряда съ правой и лѣвой стороны были заняты министрами и членами дипломатическаго корпуса. Всѣ остальные ложи до самой галлерей были наполнены цвѣтомъ ари-

стократіи и высшими лицами администраціи. Для членовъ жокей-клуба была оставлена одна ложа. Повсюду, сверху до низу, въ партерѣ и въ галлерей, блестѣли ордена, ленты, парадные мундиры, шелкъ, золото и брилліанты. Однимъ словомъ, великолѣпіе невообразимое, но, — ибо всюду примѣшивается это *но*, — такая официальная публика не можетъ аплодировать, а безъ аплодисментовъ представленіе выходитъ какъ-то холодно. Сначала давали четвертый актъ *Африканки*, которому предпослано въ видѣ интродукціи 16 тактовъ пятого акта и послѣдній актъ балета *Жизель*. Жизель на этотъ разъ не умерла, но вышла замужъ за принца и явилась въ избыткѣ счастья поздравить своего Государя, такъ какъ Жизель была не кто иная какъ г жа Гранцова, звѣзда русскихъ танцовщицъ.

Баль въ русскомъ посольствѣ вмѣсто 24-го былъ 25-го Мая—ему выпало на долю совмѣстить, все знатное, все блестящее общество Парижа, которое и привѣтствовало Государя, послѣ Его вторичнаго спасенія хранящимъ Его для блага и славы Россіи.

Такимъ образомъ мы обратимся къ описанію 25 Мая — другому дню, другаго года, котораго вслѣдствіе 4 го Апрѣля никогда не забудетъ русская земля.

Фактъ преступленія не сложенъ: полякъ Березовскій выстрѣлилъ въ Государя когда онъ возвращался вмѣстѣ съ Императоромъ Наполеономъ и своими Августѣйшими дѣтьми со смотра.

Штабмейстеръ Рембо, увидя протянувшуюся къ Императорскому экипажу руку и думая, что это прошеніе, далъ шпоры своей лошади и такимъ образомъ спасъ Государя: пуля попала въ поздри лошади. У злодѣя Березовскаго разорвало пистолетъ и ранило ему руку.

Произведя выстрѣлъ, убійца пытался, говорить, спастись обманомъ и принялся кричать „да здравствуетъ императоръ!“

Пуля его ранила одну даму не смертельно, а слегка, и кромѣ того, царапнула по уху ребенка и по вискамъ двухъ рабочихъ. Осколки разорваннаго пистолета рапили стоявшаго по близости рядоваго, находящагося въ домашнемъ отпуску. Разорвало же пистолетъ потому,

что убійца надѣлалъ для него самодѣльныхъ пуль, скомканныхъ кое-какъ. Пистолетъ былъ двуствольный, обѣ собачки потянуты разомъ, одинъ стволъ выдержалъ и послалъ свинецъ, другой оторвалъ самому убійцѣ часть большаго и указательнаго пальца лѣвой руки.

Въ экипажѣ съ Государемъ и императоромъ Наполеономъ находились и ихъ высочества. Кровь лошади г. Рембо брызнула на всѣхъ. Этотъ бравый конь, кто говоритъ не пережилъ ночи, кто говоритъ вынесъ операцію и уцѣлѣетъ доблестнымъ калѣкою.

Когда выстрѣлъ послѣдовалъ, Государи приказали ѣхать шагомъ, Императоръ Наполеонъ привсталъ, и обратившись къ публикѣ, сказалъ: „Господа, никто не раненъ“. Потомъ Его Величеству: „Если это стрѣляли по мнѣ—итальянецъ; если по васъ, Государь—полякъ.“ Его Величество отвѣчалъ: „Во всякомъ случаѣ, мы оба вмѣстѣ побывали въ огнѣ“. Все это совершенно спокойнымъ и хладнокровнымъ тономъ, какъ во дворцѣ.

Убійцу схватили капитаны парижской стражи, гг. Любэ и де-Прэль. Когда толпа накинулась на злодѣя, свалка была такова, что г. де-Прэлю сорвали эполеты. Убійцу народъ хотѣлъ тутъ же повѣсить. На немъ изорвали все платье въ клочки, и чтобъ сохранить его живымъ для правосудія, сбѣжавшіеся городовые сержанты принуждены были обпаять шпаги. Одинъ изъ наиболее жаркихъ наступателей билъ, говорятъ, схваченнаго деревяннымъ башмакомъ, какой здѣсь носятъ крестьяне, съ крикомъ: «ça t'apprendra à faire des ordures». Борьба продолжалась около двадцати минутъ и кончилась лишь прибытіемъ конной стражи.

Въ Англійской Иллюстрированной газетѣ «Illustrated London News» мы видѣли картину изображающую моментъ въ который народъ кидается на преступника сейчасъ же по выстрѣлѣ... Картина передаетъ ужасную сцену ожесточенія, въ которой, дѣйствительно, если бы не подоспѣвшіе полицейскіе преступникъ былъ бы умерщвленъ.—Сцена выражаетъ двойственное чувство народа: — одна часть его съ

выраженіемъ восторга и любви стремится къ экипажу, въ которомъ помѣщается спасенный Государь и Императоръ Наполеонъ, снявши шляпу, объявляющій, что никто не раценъ, другая съ остервененіемъ нападаетъ на преступника. — Такою была вся Франція по полученіи этого крайне прискорбнаго, не только для насъ, но и для нее извѣстія. Союзъ и дружба двухъ величайшихъ вѣнчаныхъ Богомъ путеводителей двухъ величайшихъ націй міра какъ бы вѣлѣніемъ судьбы скрѣпилась на долго, надежно, Франко-Русская партія торжествуетъ, а съ ней торжествуетъ и большая часть Европы.

Бѣда миновала, туча провеслась: возблагодаримъ небеснаго проносителя тучъ, отгонителя несчастій, и, обратимся къ балу русскаго посольства привѣтственному празднику, ставшему вмѣстѣ и праздникомъ въ честь чудеснаго спасенія Государа. Съѣздъ начался въ 10 часовъ. Съ этой минуты въ ярко-освѣщенный отель посольства, расположенный въ аристократическомъ сен-жерменскомъ предмѣстьи, на одной изъ лучшихъ его улицъ, Гревельской (rue

Grenelle St.-Germain), безпрестанно въѣзжаютъ блестящіе экипажи. Давки нѣтъ, потому что въ подобной экипажной толпѣ не можетъ быть давки, однако приходится не сразу дождаться очереди. Обширный дворъ весь плюмированъ и до половины заставленъ цвѣтами: понятенъ эффектъ сочетанія огней съ зеленью. Въ пріемной за крыльцомъ члены посольства встрѣчаютъ гостей. Начавшійся со входа цвѣтникъ поднимается по лѣстницѣ и обращается въ великолѣпныя палаты. Всѣ покои одинаково роскошны, блестятъ золотомъ и шелками: одна галерея особенно поражаетъ, заставляетъ остановиться и вызываетъ невольный возгласъ изумленія. Она обращена въ садъ и отдѣлена отъ него не стѣною, а синею цылкою, за которою открывается будто нескончаемая перспектива деревъ, цвѣтовъ, бьющихъ фонтановъ, фантастическихъ плодовъ — фонарей. Тутъ и наслажденіе глазамъ, и свѣжесть, распространяющаяся по остальнымъ апартаментамъ, благодаря которой, несмотря на тысячу слишкомъ посѣтителей, ни въ одной комнатѣ не душно. Вездѣ черные фраки, въ муп-

дирѣ только одинъ англичанинъ и одинъ французскій офицеръ; но эти черные фраки—высшіе сановники двухъ имперій. Звѣздъ не перечесть, ленты напоминаютъ всѣ цвѣта радуги, и еслибъ сложить ихъ вмѣстѣ концами, онѣ, пожалуй, достали бы до настоящей радуги. Дамскіе туалеты... по гдѣ же мужскому перу описывать туалеты дамъ? Гости оживлены; всѣ разговоры вертятся на недавнемъ событіи; изъ устъ въ уста переходятъ подробности, свѣдѣнія. Въ десять съ половиною или съ тремя четвертями, во дворъ влетаютъ гвардейцы изъ «сотни», за ними кареты. Государь и его державные спутники. Послѣ нѣсколькихъ минутъ пребыванія въ особомъ салонѣ, они входятъ, подъ звуки музыки, въ залы, наполненные гостями, и открываютъ балъ, попарно. Впереди государь, въ черномъ фракѣ, съ лептою почетнаго легіона, въ шелковыхъ черныхъ чулкахъ и башмакахъ, ведетъ подъ руку хозяйку, баронессу Будбергъ, за нимъ императоръ Наполеонъ, во фракѣ и андреевской лентѣ, съ великою княгинею Маріею Николаевною; далѣе—король прусскій съ

императрицею Евгенією; герцога Лейхтенбергскій съ принцессою Матильдою. Извините если память измѣняетъ и переименованы пары. Въ подобныхъ торжественныхъ случаяхъ вѣренъ одинъ лишь офиціальный отчотъ, а онъ еще не появился, и справиться, еслибъ даже и было время, рѣшительно негдѣ. Главное—Государь впереди. Государя встрѣчаетъ общее движеніе, какъ бы радостный порывъ, желаніе высказать громко то, что на душѣ и что этикетъ дозволяетъ выразить лишь взглядомъ и поклономъ. Его Величество привѣтливо кланяется. Открываются танцы. Скрывающійся гдѣ-то оркестръ играетъ кадрили за кадрилию, вальсъ за вальсомъ. Вальсы сопровождаются пѣніемъ мотива, недавнее и милое нововведеніе. Повременамъ гремитъ музыка въ саду. Ея звуки долетаютъ сквозь галерею и дымку, несутся какъ бы изъ волшебной сѣфы и довершаютъ очарованіе открывающагося здѣсь вида.

Государь и сопровождавшіе его находились болѣею частью въ залѣ, украшенной портретомъ Императора Александра, гдѣ происходили

танцы. Но его Величество, нѣсколько разъ обходилъ всѣ салоны, обращаясь къ нѣкоторымъ изъ присутствующихъ особъ и любовался галереею. Императоръ Наполеонъ также обходилъ залы, бесѣдуя съ гостями. Передъ ужиномъ, всѣ высочайшія особы прогуливались по наполненнымъ посѣтителями салонамъ. Его высочество великій князь Владиміръ Александровичъ вызвалъ единодушное восклицаніе еще не имѣвшихъ счастья видѣть его парижанокъ: «какой красавецъ», «qu'il est beau»!

Государевъ ужинъ послѣдовалъ въ часъ. Онъ продолжался около трехъ четвертей часа, и послѣ него царственные гости удалились. За ними ужинали прочіе приглашенные, въ залѣ великолепно сервированной и изящными явствами.

Передъ разъѣздомъ разговоръ князя Горчакова сгруппировалъ вокругъ него всѣхъ дамъ, проходившихъ мимо кресла, гдѣ помѣщался нашъ вице-канцлеръ, столько же остроумный собесѣдникъ, сколько мудрый и искусный государственный дѣятель.

Балъ кончился въ три или три съ половиною часа.

Тѣмъ же вечеромъ Парижъ протестовалъ илюминаціями противъ злодѣйскаго покушенія. Весь городъ освѣтился въ честь русскаго Царя. Особенно блистала широкая, длинная, многоверстная линія бульваровъ. Вся въ знаменахъ, въ газовыхъ рожкахъ, въ разноцвѣтныхъ фонаряхъ, она опоясывала городъ огненною перевязью. Отъ церкви св. Магдалины до Бастильи тянется точно солпечный лучъ, и въ немъ, какъ атомы, что кружатся въ свѣтлой полосѣ, тянущейся иногда отъ окна къ полу, до поздней ночи вращалось парижское населеніе. Тутъ былъ весь городъ. Омерзеніе къ гнусному преступленію и выраженіе этого чувства повсемѣстнымъ освѣщеніемъ и движеніемъ такъ единодушно и велико, что даже газеты, старавшіеся уменьшить торжественность сдѣланнаго Государю пріема, принуждены сознаться въ громаднхъ размѣрахъ вчерашняго какъ бы празднованія.

Провинціи присоединяются къ этимъ заявленіямъ. Сегодняшній телеграфъ (26 Мая) далъ знать,

что вчера вечеромъ были иллюминированы Марсель, Дижонъ, Кагоръ, Алби, Манъ, Аррасъ, Кемперъ, Брестъ, Оксеръ, Сен-Кэнтенъ, Гэрэ, Валансъ, Кольмаръ, главнѣйшіе города Корсики и Сартскаго Департамента, всѣ, безъ исключенія, города департамента Марны и т. д. Сегодня начинаютъ также стекаться адреса. «Монитёръ» помѣщены адреса муниципалитета городовъ Рубэ, Шарлевиль и Мэзіэръ, полученныя вчера вечеромъ. Сегодня въ теченіе дня получены адреса муниципалитета, негоціантовъ и національной гвардіи Сен-Кэнтена, Лувье, Эврò, Понт-Одемера, Оксера, Шато-Тьерри, Саверна, Агно, Роанна, Руана, Нанта, Мариньяна, Шалона, Франконвиля и Ліона. Ліонскій адресъ, имѣющій большое значеніе, потому что въ политическомъ отношеніи Ліонъ — второй городъ во Франціи послѣ Парижа и населенъ преимущественно рабочимъ классомъ, отличается замѣчательною силою выраженій. Частныя письма изъ Ліона извѣщаютъ, что рабочее населеніе этого города — гдѣ поляковъ почти столько же, какъ въ Парижѣ, и гдѣ, по сравнительно меньшему числу жи-

телей, они болѣе на виду—подозрительно относятся къ этимъ пришельцамъ и даже въ частныхъ сношеніяхъ не щадить ихъ упреками за елоупотребленіе гостепріимствомъ.

Всѣ означенные адреса присланы на имя императора Наполеона. Причинъ тому двѣ. Во-первыхъ, Наполеонъ III также подвергался смертной опасности. Выстрѣлъ последовалъ съ его стороны. Пуля легко могла его встрѣтить. Во-вторыхъ, большинство провинціального населенія не увѣрено, въ правѣ ли оно обратитъ свои чувства прямо къ Государю. Однако, городъ Лаферэ-Массэ рѣшился не справляться съ этикетомъ и, отъ имени тридцати тысячъ рабочихъ, прислалъ свой адресъ прямо Его Величеству.

Вотъ какую громадную популярность пріобрѣло нашему Великому Государю событіе 25-го мая, вотъ сколько сердець—чуждыхъ, постороннихъ забилося однимъ біеніемъ вмѣстѣ съ русскимъ сердцемъ за жизнь и царство на славу русскаго царя.

Въ мірѣ ничто не безъ цѣли, судьбы Провидѣнія и исторія ведутъ же къ лучшему, ведутъ

последовательно, широко развертывая дорогу добру и правдѣ и то справедливо губя зло. Исторіи не подкупить—и значеніе двухъ дней за два года несравненно значительнѣе и глубже, какъ это кажется съ перваго взгляда.—На сколько возможно, мы опредѣлили значеніе перваго дня, теперь остается хотя на столько же опредѣлить значеніе втораго.—25-е мая, совмѣщая въ себѣ и значеніе перваго дня и какъ бы грозно напоминающая о немъ имѣетъ а свое собственное и болѣе всего *политическое* значеніе. При изложеніи путешествія Государя Императора въ приведеніи адресовъ, децешъ мы уже намекали о немъ, теперь намъ остается вывести только заключенія. Какъ широко раздвинулось значеніе Россіи въ последнее время, какъ выиграла она неожиданнымъ оборотомъ дѣла пріѣзда къ намъ нашихъ братій славянъ, какимъ лучезарнымъ свѣтомъ симпатіи окружилась Великая личность Государя Александра Николаевича, не только для насъ, давно уже преклонившихся предъ его симпатіею и великодушіемъ, но для всей Европы о томъ передаютъ чувства самихъ иностранцевъ,

выражавшіеся въ словахъ, въ оваціяхъ, торжествахъ, приѣмъ и проч. во всемъ безъ оружія побѣдоносномъ шествіи Его по Европѣ, но кромѣ того для насъ дорого то, что померкъ, если не совсѣмъ погасъ ложный свѣтъ прикидывавшейся угнетеніемъ Польши, что народъ Франціи увидѣлъ безъ костюма эту святошу вдову, прикидывающуюся обиженной и обипцавшей. Нашъ почтенный гость Ригеръ увлекался чувствомъ примиренія съ Польшей, взялъ на себя трудную роль адвоката и на замѣчательномъ рѣчахъ и всѣми своими событіями обѣдъ 21-го мая въ Москвѣ на которомъ въ царственной палаткѣ пировали всѣ славяне кромѣ поляковъ неосторожно тронулъ чувства справедливой гордости русской—его опонятномъ явился кн. Черкасскій. Рѣчи того и другаго дотакое степени замѣчательны и близки къ цѣли нашей книги, что мы приводимъ ихъ здѣсь цѣликомъ.... Они идутъ достойнымъ заключеніемъ присно-памятныхъ въ русской исторіи двухъ дней за два года.

Вотъ что подъ сѣнію хоругви Св. Кирила и Мефодія сказалъ знаменитый чешскій ораторъ

Ригеръ, можетъ быть наведенный не этотъ предметъ тронутымъ вопросомъ М.П. Погодинымъ о Полякахъ но вѣроятно подготовленный предва-
рившими эту рѣчь слухами о его желаніи поми-
рить Россію съ Польшей.

Рѣчь эта вызвала разнообразныя оттѣнки чув-
ства которые мы отмѣчаемъ въ приводимомъ из-
гоженіи. Вотъ она

Братья Славяне! Позвольте мнѣ высказать вамъ
нѣсколько словъ подъ хоругвью святыхъ братій,
общихъ апостоловъ нашихъ, Кирилла и Меѳодія!
Эти святые братья, водимые единственно любовію
и христіанскою милостію, пришли въ среди нашу
проповѣдать намъ благовѣстіе любви, христіан-
ской милости. *(Одобреніе!)* Эта единственная
святая цѣль привела ихъ къ намъ; и такъ какъ
цѣль ихъ была столь возвышенна, столь свята, то
Богъ благословилъ и ихъ начинанія и народъ, ко-
торому предали они христіанское ученіе. Наро-
ду этому крѣпко привили его учителя правила
христіанской правственности: не дѣлай другому
того, чего не желаешь самому себѣ. *(Одобре-
ніе.)* Другія племена славянскія принявъ христі-

анское исповѣданіе отъ другихъ народовъ, но, такъ какъ проповѣдники ихъ руководились не столько любовію сердца чистаго, христіанскаго, сколько властолюбіемъ, то эти племена славянскія лишились своего народнаго бытія подъ чуждымъ владычествомъ. *(Слава! Живіо!)* Такимъ образомъ цѣлая половина нынѣшней Германіи отчуждена славянскому племени, славянской крови; даже и тамъ, гдѣ Италіянцы Славянамъ проповѣдовали вѣру христіанскую, и тамъ Славяне въ значительной своей части обратились въ Италіянцевъ.

Но Славянинъ остался Славяниномъ, и возникъ въ самостоятельномъ бытіи, въ своей гражданственности тамъ, гдѣ евангеліе любви и милости было возвѣщено ему святыми братьями. *(Слава! Живіо!)* Господа! многоуважаемый другъ мой, котораго имя неразлучно соединено со всякимъ славянскимъ стремленіемъ въ Россіи, г. Аксаковъ говорилъ, что Россія Богомъ призвана къ тому, чтобъ осуществить славянское братство въ духъ свободы. *(Слава! Живіо!)* Мы всѣ, пришедшіе въ вашу среду, ото всего сер-

дца, ото своей души чувствуемъ высокое значеніе этихъ словъ; мы все вмѣстѣ надѣемся, какъ братья, въ радости чистой, благородной. Но, къ сожалѣнію, всякая радость человѣческая содержитъ въ себѣ хотя одну каплю горечи! Богъ видитъ, что минута эта для меня тяжкая: долженъ ли я помрачить сегоднешнюю общую радость упоминаніемъ для многихъ непріятнымъ, о такой каплѣ горечи? Высокоуважаемый профессоръ Погодинъ, одинъ изъ первыхъ заступниковъ славянства здѣсь на Руси, мужъ, котораго заслуги я такъ высоко почитаю (*слава! живіо!*), произнесъ здѣсь сегодня прекрасное братское слово: „Русскіе и Полякамъ, сказалъ онъ, желаютъ счастья и блага!“ (*Слава! Живіо! Правда*) И, господа, съ горестью замѣчаю, что изъ этой братской среды всехъ Славянъ отстрапились одни Поляки и не пришли къ намъ на наше братское цѣлованіе. (*Слава! Живіо!*) Я думаю, что такой замѣтный поступокъ не могъ состояться безъ всякой причины. Когда у васъ свирѣпствовала послѣдняя война, война, къ сожалѣнію, братская, тогда одинъ изъ соотечесственниковъ вашихъ воз-

валъ къ безпристрасному мнѣнію Чеховъ, ибо въ то время вся Европа возстала противъ Россіи. Господа, мой другъ и тестъ Палацкій и я въ то время, когда вся Европа, когда все народы Запада подавали свои голоса противъ Россіи, высказывая свое сочувствіе повстанію, мы смѣло сказали тогда, что дѣйствія Поляковъ почитаемъ за несчастье (*громкія рукоплесканія*), и что то, что пишутъ они противъ самаго народа Русскаго, почитаемъ мы за великую кривду, наносимую ими собственному брату. (*Слава! Живіо!*) Господа! мы Чехи, какъ родные братья и Поляковъ и Русскихъ, отсторонились и хотѣли судить о дѣлѣ справедливо и для того и для другаго изъ братьевъ нашихъ. Мы изъ исторіи познали, какія великія кривды наносила шляхта и правительство польское племени русскому, отчуждая народу русскому его малороссійскую вѣтвь (*слава! живіо!*), вводя въ его населеніе средствами непохвальными такъ-называемую унию. (*Слава! Живіо!*) Мы признали это неправдою искренно и открыто, мы признали справедливымъ ваше желаніе возвратить въ свое владѣніе этотъ край,

отторженный отъ васъ насиліемъ; мы говорили, что вѣтъ рускаго племени имѣетъ право возвратиться къ вамъ, составляя съ вами по суду науки, единый народъ. (*Слава! Живіо!*) Но мы не можемъ таить въ себѣ той мысли, что и Поляки, вѣтъ западнаго славянства, отличная отъ народа Русскаго, какъ по языку, такъ и по исторіи, имѣютъ право на свое народное существованіе. И слова высокоуважаемаго друга моего, профессора Погодина, служатъ мнѣ ручательствомъ того, что всѣ образованные и справедливые Русскіе признаютъ за Поляками это право; мы же, Славяне западные, видимъ въ этомъ признаніи главный залогъ согласія и лучшей будущности Славянъ..

Взаимная любовь Славянъ, господа, ихъ все-славянское братство не было бы правдою; оно было бы пустымъ словомъ, еслибъ эгоизмъ одного племени, какъ сказалъ многоуважаемый г. Аксаковъ, захотѣлъ превознестись надъ всеми другими племенами не говорю, поглотить ихъ (*сильный ропотъ*); истинная любовь братская между нами, истинный благородный панславизмъ возмо-

жны лишь тогда, когда каждый признаетъ другаго единокровнымъ и равноправнымъ братомъ своимъ. Господа, когда поднялось возстаніе польское, мы говорили, что оно есть несчастіе для Поляковъ, мы признавали вмѣстѣ съ тѣмъ, что оно есть источникъ всѣхъ неправдъ, разсѣваемыхъ по свѣту на Россію. Нынѣ же говорю, что возстаніе было, вмѣстѣ съ тѣмъ, несчастіемъ и для всего славянства (*слава! живіо!*). Сердца двухъ народовъ славянскихъ наполнились горечью братской вражды, горечью болѣе сильною чѣмъ когда-либо предъ этимъ возстаніемъ, и, господа, доколѣ продлится эта непримиренная, неуспокоенная любовью братскою ненависть доколѣ одинъ славянскій народъ будетъ находиться за дверьми нашей всеславянской бесѣды, доколѣ одинъ народъ славянскій будетъ идти противу другихъ въ боязни за свой бытъ, отоу не будетъ ни согласія между нами, ни успѣха въ нашей народной гражданственности (*отчасти слава, отчасти шиканье*). Господа! примемъ одно поученіе отъ исторіи славянства! Нѣкогда племена полабскихъ Славянъ занимали половину Германіи, живя

другъ съ другомъ въ разъединеніи, и войною порабошая одно другое. Въ этихъ братскихъ бояхъ они призывали Нѣмцевъ-сосѣдей враговъ своихъ, къ войнѣ противъ братьевъ-Славянъ, и такимъ образомъ, другъ друга порабошая, одинъ за другимъ порабошались чуждому игу и погибали (*да, да! живіо!*). Кто поручится намъ за то, господа, что это явленіе не повторится, если мы не будемъ слѣдовать поученію прошедшаго и внушеніямъ братской любви? Если борьба между Русскими и Поляками продолжится, если послѣдніе пойдутъ на послѣднюю борьбу, на борьбу за свое народное существованіе, кто поручится намъ за то, что и Поляки, дождавшись своего времени, не позовутъ на помощь себѣ противъ Русскихъ Нѣмцевъ, окрѣпшихъ съ своей военной силѣ? (*сильное движеніе въ разныхъ мѣстахъ*). Я, съ горестью, предвижу, что въ этихъ бояхъ, такъ или иначе, погибнетъ еще одинъ великій славянскій народъ. Куда же придетъ этимъ путемъ славянство наше? Какъ исполнить, въ этой братской борьбѣ свое великое призваніе въ цивилизаціи человѣчества великій народъ сла-

вянскій, народъ, занимающій половину Европы? Богъ дастъ, того не случится! Я все же твердо уповаю на то, что исторія будетъ намъ великимъ учителемъ, и что мы, проникнутые дѣйствительною взаимностью и любовью братскою, познаемъ, что должно намъ идти другимъ путемъ, не тѣмъ путемъ гибели, на которомъ заблудились и погибли Славяне полабскіе, (*Слава! живіо!*) Я сказалъ уже, что Поляки во время войны чинили кривду не только правительству и войску, но и самому народу Русскому; мы видѣли какъ многіе изъ нихъ стремились опозорить и сдѣлать ненавистнымъ имя русское для всей Европы. (*Слава! живіо!*) Мы же, остальные Славяне, судили обо всемъ этомъ по внушеніямъ братскаго сердца. Вы видѣли, какъ много кривды дѣялось вамъ, и хорошо понимали ту горестъ, которую породила въ вашемъ сердцѣ эта кривда. Но все же мы спросимъ васъ: что настанетъ, если братъ брата обидѣлъ и обиженный побѣдилъ другаго? Должна ли взаимная горечь, должна ли ненависть между ними длиться цѣлые вѣка? Я думаю, что

здѣсь настанетъ та минута, когда должна сказаться братская любовь. Въ эту рѣшительную минуту герой-побѣдитель долженъ великодушно сказать побѣжденному брату: „Я укротилъ тебя, ты весь въ моихъ рукахъ и я могу сдѣлать съ тобою все что мнѣ будетъ угодно. Но я справедливъ, я поступлю съ тобою по-братски. Я хочу даровать тебѣ твое право и твое бытіе“. (*Одобреніе однихъ, шиканье другихъ,*) Господа! нынѣшнее собраніе состоялось не для того чтобы рѣшать на немъ вопросы политическіе. Если вы спросите меня, какъ повести это дѣло примиренія, я отвѣчу вамъ что это можетъ быть предметомъ мирнаго, непредубѣжденнаго соглашенія умовъ политическихъ, а прежде всего заботою вашего возвышеннаго, благороднаго Государа: задача, поистинѣ сродная Его благородному сердцу, достойная Мужа, даровавшаго свободу толикимъ милліонамъ нашихъ крестьянъ (*громкое рукоплесканіе*), Мужа, котораго память для цѣлаго славянства навѣки останется незабвенною. Ему не только какъ великому Государю, но, особенно, какъ благо-

родному Славянину провозглашаю славу, (*Шумное: слава!*) Какъ я сказалъ, не можетъ быть моею задачей говорить о средствахъ, которыми эта распря могла бы быть улажена; но я увѣренъ, что, при доброй волѣ съ обѣихъ сторонъ, путь къ этой цѣли найдется. Господа, эти слова вызваны во мнѣ, на этомъ праздникъ нашего братства, чистымъ, искреннимъ побужденіемъ воли, чистою любовью къ вамъ и Полякамъ. Мною руководило то убѣжденіе, что наше великое славянское дѣло не можетъ успѣшно совершиться, пока не будетъ между всѣми нами полнаго согласія. Я не отчаиваюсь, господа, ибо вѣрю въ благородство славянскимъ сердецъ,—и русскихъ и польскихъ, я вѣрю въ человѣческій разумъ. Я вѣрю въ то, что Поляки познаютъ истинную мѣру своихъ правъ, что они признаются во всемъ въ чемъ прегрѣшили предъ вами, въ чемъ учинили вамъ кривду. (*Слава! живіо!*) Я не желаю, чтобы Русскій народъ уступилъ хотя бы пядь изъ своей области, когда это воспреещаетъ честь и народное право. Но если придетъ то время, когда Поляки признаютъ, искренно и

въ полной мѣрѣ ваши права, права вашей народности, особенно же права малороссійской вѣтви, тогда придетъ ваша очередь. Тогда вы, какъ побѣдители, какъ сильнѣйшіе, покажете, что вы не желали ихъ лишать народности, что и вы готовы оказать имъ братскую любовь. *(Одобрительныя восклицанія и сильный ропотъ, возставшій въ теченіе всей рѣчи.)* Я знаю, господа, что многимъ изъ васъ то, что сказалъ я здѣсь, не кажется правымъ и милымъ. Но, Богъ мнѣ свидѣтель, слова эти произнесъ я изъ побужденія искренней любви къ вамъ, отъ полноты сердца, всецѣло преданнаго всемъ Славянамъ; прошу васъ хладнокровно взвѣсить эти слова. Да даруетъ Богъ этимъ моимъ словамъ почву плодотворную. Я знаю, что сердце ваше еще носитъ въ себѣ горечь, я знаю, что не все ваши раны успѣли вы исцѣлить. Но настанетъ время мирнаго и безпристрастнаго обсужденія, и тогда вы выскажетесь. Какъ сказалъ я, русское право не должно погертить ущерба ни въ чемъ. Но если оно будетъ признано Поляками съ честнымъ сознаніемъ его

законности, я надѣюсь, что и Русскіе, какъ добрые Славяне, какъ народъ великодушный и сознающій свои силы, какъ добрые сыны и вѣрные послѣдователи нашихъ святыхъ апостоловъ, нашихъ общихъ первоучителей, что наши русскіе братья первые произнесутъ прекрасное слово христіанской любви и примиренія. *(Слава! живіо!)*

Чрезъ нѣсколько времени кн. В. Черкаескій, какъ мы увидимъ, совершенно не готовясь къ этому, отвѣчалъ на поставленный Ригеромъ вопросъ блестящимъ образомъ:

Вотъ эта импровизованная рѣчь, обставленная самымъ убѣдительными фактами:

Мм. гг.! Я прошу вашего снисходительнаго вниманія на нѣсколько лишь минутъ. На пышномъ общемъ нашемъ пирѣ я не готовился просить слова у нашего предсѣдателя; на случай же, еслибы довелось мнѣ просить слова, я рѣшался поставить себѣ обязанностію избѣгнуть по возможности упоминанія о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, касающихся печальной современной розни въ славянскомъ племени. Но два

оратора равно мною уважаемые, одинъ изъ числа соотечественниковъ нашихъ, другой изъ среды нашихъ гостей, упомянули о Польшѣ и говорили объ отношеніяхъ ея къ Россіи. Мм. гг.! Я счелъ бы себя не правымъ, еслибы въ этихъ обстоятельствахъ не позволилъ себѣ просить вашего вниманія на нѣсколько минутъ, чтобы публицоваться съ вами рѣчью неприготовленною о томъ же самомъ предметѣ. (*Спасибо! спасибо! Рукоплесканія.*)

Мм. гг.! Мнѣ кажется, я могу сказать, что между взглядомъ обонхъ ораторовъ, говорившихъ о Польшѣ, и моимъ взглядомъ, нѣтъ существеннаго противорѣчія, и что на этой почвѣ, какъ и на всякой другой въ общемъ славянскомъ дѣлѣ, мы все, присутствующіе здѣсь, можемъ и должны сойтись. Но всякая общая мысль требуетъ разъясненія въ подробностяхъ; каждое общее соображеніе слѣдуетъ провѣрить частными фактами, и лишь затѣмъ должны мы постановлять свое окончательное сужденіе и опредѣлять свой образъ дѣйствій.

Мм. гг.! Здѣсь была высказана мысль, которая, безъ сомнѣнія, близка и дорога всѣмъ намъ, мысль, что отношенія двухъ сторонъ: одной—великой, сильнѣйшей, самостоятельной и побѣдоносной, другой—меньшей и силою судьбы подчиненной, что желательно было бы эти отношенія основать на справедливости и правомѣрности. Если я не ошибаюсь, если я правильно понялъ смыслъ блистательной рѣчи, нами слышанной, — вотъ та мысль, которую хотѣлъ выразить одинъ изъ нашихъ гостей. Мм. гг.! Неужели здѣсь, въ этомъ собраніи, есть хотя одинъ человѣкъ, который не раздѣлялъ бы вполне этого воззрѣнія? (*Нѣтъ! Всѣ желаемъ того же!*) Всѣ мы желаемъ того же, и я смѣю утверждать, что Россія достигаетъ этой цѣли вполне. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ, мм. гг., можетъ выразиться правомѣрность? — Въ двухъ областяхъ: *in jure publico* и *in jure privato*, въ области государственнаго права и въ области частнаго права. Посмотримъ же, каковы отношенія двухъ сторонъ въ этихъ двухъ областяхъ, которыя впрочемъ, такъ тѣсно ме-

жду собою связаны, что нѣтъ возможности никому дѣйствовать въ одной изъ нихъ такъ, а въ другой иначе.

Итакъ, мм. гг., соблюдена ли Россіей идея правомѣрности въ отношеніи къ несчастной Польшѣ, несчастной, впрочемъ, лишь по собственной винѣ? Соблюдена ли эта мысль въ области государственнаго права? Мм. гг.! Многіе изъ васъ, здѣсь присутствующихъ, родились до 1814 г., многіе изъ васъ, даже по собственнымъ воспоминаніямъ и впечатлѣніямъ, знаютъ какія установленны были въ то время отношенія между Имперіей и Царствомъ. Мы можемъ, не красясь ни предъ Европой, ни предъ общимъ славянскимъ міромъ, ни предъ какою-либо отдѣльною отраслью славянскаго міра, здѣсь и вездѣ громогласно заявить, что отношенія эти были не только правомѣрны, но еще и въ высшей степени льготны. (*Рукоплесканія.*)

Великодушный основатель Царства Польскаго, —я говорю—основатель, ибо въ то время Польскаго государства уже не существовало; оно уже

растеряло свое политическое бытіе по всѣмъ стоимъ Европы (*правда, правда!*), Александръ І создалъ Польшу и даровалъ ей политическую свободу; но я, къ сожалѣнію, долженъ присовокупить, ибо это всѣмъ извѣстно, что эту политическую свободу тѣ жѣ самые Поляки растеряли собственной виной два раза—и въ 1830, и въ 1863 годахъ. (*Рукопесканія.*)

Мм. гг.! Есть факты совершившіеся въ исторіи, факты, которыхъ изъ страницъ ея никто вычеркнуть не въ силахъ—ни бытописатель, ни политическіе люди. (*Рукопесканія.*) Одинъ изъ такихъ фактовъ совершился между Россіей и Польшей. Россія покончила, она порѣшила разъ навсегда, безповоротно (*да, да!*), наши старые историческіе счеты; и подобно тому, какъ нѣтъ той силы на землѣ, которая могла бы измѣнить естественное теченіе рѣкъ и заставить ихъ струи течь не отъ источника къ устью, но отъ устья къ источнику; точно также нѣтъ той силы на свѣтѣ, которая могла бы перемѣнить установившіяся нынѣ государственныя отношенія Россіи къ Польшѣ (*прошкія и продолжительныя рукопесканія*).

Изъ области государственнаго правда, изъ этой шумной области, перейдемъ въ другую болѣ скромную и мирную сферу, въ сферу частныхъ отношеній. Я спрашиваю васъ мм. гг.. можетъ ли что-либо для человѣка, въ его частной жизни, быть драгоцѣннѣе увѣренности, что онъ ограждается правымъ, надлежаще устроеннымъ судомъ, по возможности гласнымъ и быстрымъ? Что можетъ быть драгоцѣннѣе человѣку того убѣжденія, что потребность въ образованіи и просвѣщеніи его семьи, его дѣтей, удовлетворяется щедро? Что наконецъ затрогиваетъ его ближе, чѣмъ неблагодарная почва того податнаго устройства, требованіямъ котораго однако мы всѣ должны безропотно покоряться, ибо всякое государство требуетъ и имѣетъ право требовать отъ своихъ гражданъ средствъ для удовлетворенія общественныхъ нуждъ и потребностей? И наконецъ позвольте мнѣ, мм. гг., предложить вамъ еще одинъ общій вопросъ: можетъ ли кто бы то ни было имѣть право желать чтобъ одна какая-либо область государства была льготнѣе одарена, чѣмъ всѣ прочія области того же государства и чѣмъ

господствующее его племя? (*нѣтъ, нѣтъ!*) Обращаюсь ко всѣмъ славянскимъ гостямъ: я полагаю, они всѣ были бы довольны отъ перваго до послѣдняго, не перечисляя отдѣльныхъ племенъ и областей, еслибъ они во всѣхъ отношеніяхъ пользовались безусловно всѣмъ тѣмъ, чѣмъ пользуется господствующее въ ихъ государствѣ племя. (*Слава! Живіо!*) За тѣмъ обратимся теперь къ каждому изъ уназанныхъ мною предметовъ въ частности и прежде всего къ судебному устройству въ Польшѣ.

У насъ, въ самой Россіи, при множествѣ громаднхъ заботъ, обременяющихъ правительство, судъ лишь въ недавнее время учрежденъ на тѣхъ началахъ, на которыхъ мы его видимъ нынѣ создавшимся; это есть одно изъ тѣхъ многочисленныхъ благодѣлій, которыя навсегда упрочатъ за нынѣшнимъ царствованіемъ любовь и преданность всего Русскаго народа (*слава и живіо, рукоплесканія*). Мм. гг.! Въ привислянскихъ, польскихъ губерніяхъ Россіи (*рукоплесканія*) судъ гласный и устный существовалъ гораздо прежде чѣмъ въ великорусскихъ, малороссій-

скихъ и другихъ губерніяхъ; это былъ судъ не столь совершенный какъ вновь вводимый у насъ нынѣ, но во всякомъ случаѣ несравненно совершеннѣе того, который существовалъ у насъ доселѣ, что же касается до примѣненія новыхъ судебныхныхъ началъ къ Польшѣ, то дѣло это нынѣ уже начато разработкой.

Въ отношеніи къ народному просвѣщенію достаточно будетъ припомнить нѣсколько простыхъ, грубыхъ фактовъ, всѣмъ намъ извѣстныхъ. Въ той губерніи, къ которой принадлежу я, именно въ Тульской губерніи, имѣющей до 1.000.000 жителей, есть только одна мужская гимназія, и то же можно сказать почти о всѣхъ внутреннихъ губерніяхъ; въ привислянскомъ краѣ Россіи, гдѣ теперь учреждено 10 самыхъ мелкихъ губерній, и гдѣ еще въ прошломъ году было только 5 губерній, едва равнявшихся нашимъ по народонаселенію, такихъ среднихъ учебныхъ заведеній состоитъ до 24. Это суть, мм. гг., не слова, но факты, которыми мы можемъ смѣло отвѣчать на самыя взыскательныя требованія Европы (*рукоплесканія*).

Мм. гг.! Я перехожу наконецъ къ повинностямъ. Въ 1864 и 1865 годахъ я имѣлъ случай довольно близко изучить этотъ вопросъ. Въ то время въ привислянскихъ губерніяхъ Имперіи съ cadaго жителя приходилось всѣхъ податей и государственныхъ доходовъ около 4 рублей, а прежде того сходило еще менѣе, даже менѣе чѣмъ въ какой бы то ни было другой странѣ Европы (*рукоплесканія*). Остальная Россія въ то же время платила до 6 рублей сереб. съ жителя. Въ настоящее время отношенія эти постепенно уравниваются, и должно надѣяться, что Привислянскія губерніи будутъ приведены постепенно къ тому же податному знаменателю, подъ который подведена вся Россія (*желательно!*). Но, мм. гг., позвольте вамъ доложить, что даже теперь самый тяжелый налогъ, ведерный налогъ съ вина въ Привислянскихъ губерніяхъ, вдвое менѣе чѣмъ въ остальной Россіи. Вотъ нѣсколько безыскусственно собранныхъ фактовъ, которые, я думаю, могутъ успокоить и вашу личную совѣсть и общую совѣсть всей Россіи какъ предъ Европой, такъ и предъ

нашими дорогими славянскими гостями. (*Рукоплесканія, браво! благодаримъ!*)

Таковы, мм. гг., наши отношенія къ Польшѣ. Вы видите, что они не только юридически справедливы, но даже и льготны. Затѣмъ пожелаемъ, чтобъ и въ самой польской средѣ зародились или, или лучше сказать, развились другія, болѣе справедливыя къ намъ чувства; я говорю развились, ибо вѣрю несомнѣнно, что такія чувства отчасти уже зародились, вѣрю потому, что видѣлъ отношенія польскаго крестьянства къ намъ Русскимъ. Я видѣлъ съ какою благодарностью принимали они тѣ благодѣянія, которыя расточались имъ высочайшими указами (*рукоплесканія*). Итакъ будемъ желать, чтобъ эти сѣмена разрослись еще болѣе, и принесли въ свое время обильные плоды. (*Рукоплесканія.*) Мм. гг.! Когда сыны Польши добровольно возвратятся къ нашей общей братской трапезѣ, въ общій родительскій домъ, но не какъ строптивые сыны, а подобно блудному сыну, во всеоружіи искренняго, смиреннаго раскаянія, тогда Полякамъ будутъ широко раскрыты наши братскія

объятія (*рукоплесканія*), и не будетъ въ нашемъ стадѣ довольно жирнаго тельца, не будетъ тельца въ нашемъ стадѣ, котораго мы пожалѣли бы заклать для этого радостнаго пира. (*Рукоплесканія. Такъ! Такъ! Правѣа!*)

Мм. гг.! Я кончу свое слово нѣсколькими пожеланіями. Пожелаемъ, чтобы голоса, власть имѣющіе надъ умами, обратились къ самому польскому народу съ убѣжденіемъ, что лишь отъ него зависитъ его будущая судьба. Мм. гг.!

Тотъ, кто будетъ имѣть смѣлость прямо, лицомъ къ лицу, откровенно высказать эту истину польскому народу и кто успеетъ убѣдить польскій народъ, тотъ окажетъ и ему и намъ и всему славянскому дѣлу такую неоцѣпенную услугу, которой ни мы и никто достаточно оцѣнить не въ силахъ. (*Рукоплесканія.*)

Выражу еще другое пожеланіе: пускай эти же, власть имѣющіе голоса, обратятся къ тому же несчастному племени и скажутъ ему: Россіи, конечно, вамъ трудно доказать теперь же, немедленно, ваши родственныя чувства: но есть племя въ Европѣ, живущее за предѣлами Россіи,

племя разбитое, племя нынѣ находящееся подъ чужою пятою, племя не просящее себѣ ни силы, ни власти, ни преобладанія, а лишь защиты. *(Громкіе, восторженные клики. Каноникъ Головацкій, сидѣвшій прямо предъ ораторомъ, наклонилъ голову, и крупныя слезы закапали на его тарелку.)* Внемлите просьбамъ этихъ вашихъ собратій, русскихъ Галичанъ, устройте для нихъ дѣло такъ, какъ оно было устроено для васъ въ привислянскомъ краѣ, дайте имъ то, что дано вамъ. *(Громъ рукоплесканій. Сильное движеніе.)*

И это увѣщаніе, мм. гг.. если оно увѣнчается успѣхомъ, принесетъ самыя лучшія плоды *(рукоплесканія)*. Изъ этого сближенія, изъ этихъ новыхъ отношеній двухъ родственныхъ въ Галиціи племенъ, мы увидимъ, имѣемъ ли мы и въ нашихъ отношеніяхъ къ Полякамъ дѣло съ одними лишь звуками, съ однимъ призраками, или же имѣемъ дѣло съ дѣйствительностью, съ искренностью и прямою *(рукоплесканія)*. Мм. гг.! Будущность Поляковъ отнынѣ въ ихъ собственныхъ рукахъ! *(Правда!)*

Коснувшись русскихъ Галичанъ, я охотно пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы вспомнить вмѣстѣ съ вами нѣкоторыя имена, дорогія и Галичанамъ и намъ. Пора оставить поле распри и раздора, и перейти къ такимъ чувствамъ, которыя могутъ соединить всѣхъ насъ безъ исключенія. Мм. гг.! Я не стану утруждать васъ подробнымъ изложеніемъ исторіи Галичанъ. Всѣ знаютъ, что Галичъ былъ искони русскій край; всѣ знаютъ, что и въ повѣйшее время часть австрійскаго Галича была соединена съ Россіею между 1809 и 1814 г.; всѣ знаютъ, что часть галицкой земли и нынѣ принадлежитъ Россіи, именно та часть, которая находится въ Люблинской губерніи и гдѣ лежитъ любезный намъ Холмъ. И въ этой галицкой землѣ, о бѣдствіяхъ который я упоминать въ настоящее время не желаю, было цѣлое поколѣніе людей, трудившихся и сѣявшихъ на своей родной нивѣ, усердно работавшихъ на свой народъ. Имена ихъ вамъ присущи. На нынѣшнемъ братскомъ ширѣ позвольте вспомнить ихъ и прежде всего позвольте вспомнить съ благоговѣніемъ и благодарностью ту охра-

нительную, спасительную для русской народности роль, которую въ томъ краѣ играло и нынѣ играетъ грекоуніатское духовенство (*громкія рукоплесканія*). Помянемъ прежде всего покойника. Слава и вѣчная память усопшему святителю галицкой земли, высокопреосвященному митрополиту Яхимовичу, который съ самой молодости и до гробовой доски посвятилъ себя дѣлу отечественной науки и роднаго церковностроительства (*вѣчная память!*). Вспомнимъ и скажемъ также вѣчную память другому труженнику науки, бывшему близкимъ знакомымъ митрополита Яхимовича и оставившему послѣ себя великій памятникъ, я говорю о Зубрицкомъ, историкъ Червонной Руси, о томъ Зубрицкомъ, трудъ котораго переведенъ на русскій языкъ стараніемъ О. М. Бодянского. Затѣмъ перейдемъ къ живымъ и прежде всего вспомнимъ нашего дорогаго и любезнаго всѣмъ гостя Якова Θεодоровича Головацкаго. (*Рукоплесканія. Живіо! Слава!*) И наконецъ слава всѣмъ сподвижникамъ митрополита Яхимовича и преемникамъ дѣла его на галицкой землѣ, достопочтеннѣйшимъ: прелату Куземско-

му и канонику Петрусовичу, неутомимому священнику Наумовичу, и двумъ мірянамъ, редакторамъ русскихъ журналовъ—*Слова* и *Страхотуда*—Дѣдицкому и нашему гостю Ливчаку. *(Слава, живили! ура!)*

Рѣчь эта произвела потрясающее впечатлѣніе. Князя благодарили, жали ему руки, обнимали его. И послѣ этого, послѣ всѣхъ этихъ преобразованій края изъ него выходятъ Березовскіе.. И привсемъ томъ въ недавно бывшемъ всеславянскомъ съѣздѣ русскіе люди не прочьбы видѣть братьевъ поляковъ, еслибъ они пришли къ нимъ съ любовью и миромъ.. Мы не имѣемъ вражды къ лицамъ, но у насъ вражда съ польской идеей—ея начала и основанія въ томъ, что, какъ справедливо говорятъ Моск. Вѣд. въ одномъ и томъ же государствѣ не могутъ быть многія политическія національности. Мы еще тверже убѣдились въ этомъ въ эти два дня за два года.

КОНЕЦЪ.

О П Е Ч А Т К А.

Въ текстѣ, по недосмотру, при частомъ упоминаніи имени *Государя Императора* въ третьемъ лицѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вмѣсто большой буквы, вкралась строчная. Просимъ покорно поставить вмѣсто ея большую букву, съ которой всѣ мы русскіе люди всегда соединяемъ свое почтеніе и благоговѣніе при произношеніи Имени *Государя Императора* или упоминаніи о Немъ.

2007060090